

18+

Алексей Валериевич Торшенин

*Троццальны
свет любви*

Алексей Горшенин
Прощальный свет любви

«Издательские решения»

Горшенин А. В.

Прощальный свет любви / А. В. Горшенин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989837-1

Все сказано, все спето о любви? Нет, конечно! Любовь — это космос, а он неисчерпаем. И всегда в его глубинах будут находиться все новые Lovestory самых неожиданных поворотов и чувственных оттенков. Что произведения этой книги достаточно убедительно и подтверждают. У каждого ее героя свои отношения с любовью, но у всех они по разным причинам — прощальные. Потому и книга так названа. Написанная ярким образным языком в лучших традициях психологической прозы, она не оставит читателей равнодушными.

ISBN 978-5-44-989837-1

© Горшенин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Алексей ГОРШЕНИН	6
ПРОЩАЛЬНЫЙ СВЕТ любви	7
повести	8
ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ЖЕНЫ	9
1	10
2	12
3	16
4	19
5	22
6	26
7	29
8	34
9	35
10	41
11	46
ПОЗОВИ МЕНЯ С СОБОЙ	50
Часть I	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Прощальный свет любви

Алексей Валериевич Горшенин

© Алексей Валериевич Горшенин, 2020

ISBN 978-5-4498-9837-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алексей ГОРШЕНИН

ПРОЩАЛЬНЫЙ СВЕТ любви
Повести и рассказы

ПОВЕСТИ

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ЖЕНЫ

1

Вот говорят – любовь...

Тысячи лет уже с уст человеческих слово это не сходит. И нет, кажется, на свете более сильного, возвышающего, волнующего и до самых потаенных глубин души проникающего чувства, волшебным словом «любовь» выражаемого. Недаром же служители всех муз на протяжении многих веков не устают запечатлеть и воспевать его в стихах и красках, в камне и музыке, на сценических подмостках...

Но и по сию пору величайшее это чувство не раскрывает главную свою тайну: что же, все-таки, есть настоящая любовь, и почему каждый раз она неповторима?

«Любовь – не вздохи на скамейке и не прогулки при луне», – сказал поэт. И как с ним не согласиться?! Не есть ли все эти «вздохи», «прогулки», ухаживания с цветами и подарками, пылкие велеречивые объяснения на самом деле всего лишь красочные фантики? Главное-то ведь – какова сама «конфетка»? Не сведет ли от нее скулы, не загорчит? Да и вообще – такая ли уж она конфетка?..

Мысли эти приходили мне в голову, когда я перелистывал семейный альбом Михаила Ефимовича и его супруги Валентины Кондратьевны Железиных, примостившись на выдавшей виды кушеточке в маленькой спальне стариков, разглядывая старые, кое-где потускневшие фотографии. Вот Михаил Ефимович в офицерском кителе с погонами капитана, орденами и медалями на груди. Слегка скуластое лицо смотрит в объектив строго. А вот он уже в штатском костюме в компании таких же улыбающихся вместе с ним молодых людей, за спинами которых черная школьная доска. На следующей странице альбома вижу Михаила Ефимовича сначала в промасленной телогрейке возле трактора, за которым просматривается уходящая к горизонту свежая пахота, затем, на другой фотографии, – в заводской спецовке на фоне белых баков, трубопроводов, еще какого-то оборудования.

Листаю альбом дальше, и взгляд цепляет фото круглолицей кареглазой брюнетки с ямочками на округлых щеках и сочными вишневыми губами. Барышне по виду нет и двадцати. Она налита здоровьем, свежими молодыми соками, нерастраченными силами. В глазах ее плещется юный задор, неумная жажда жизни и любви. Я не сразу узнаю эту красавицу. Наконец, до меня доходит, что это же Валентина Кондратьевна на заре своей туманной юности! «Как же хороша она была тогда! – восхищаюсь я, но тут же и укоряю себя: – Да она до конца своей жизни оставалась привлекательной женщиной.

Оторвавшись от альбома, обвожу глазами спальню. Зная стариков значительное время, я, тем не менее, никогда не переступал ее порог. К противоположной стене, завешенной дешевеньким ковриком простенького узора, вплотную придвинута широкая железная кровать с панцирной сеткой, отсвечивавшей зеркальным блеском никелированных шаров, венчавших боковины спинки. Кровать заправлена светло-коричневым покрывалом, а в изголовье пирамида из подушек – мал-мала меньше, кои в селениях русских, как и мраморные слоники, и поныне остаются чем-то вроде символов семейного уюта и благополучия.

Из зала слышался звон посуды, разнобойный гул уже нетрезвых голосов. Часа полтора назад на местном кладбище похоронили Михаила Ефимовича, и сейчас поминки в самом разгаре.

Михаила Ефимовича Железина в райцентре знали хорошо, уважали, и проводить его в последний путь народу пришлось немало. На поминках сразу все в довольно просторную залу дома Железиных не вмещались, а потому заходили партиями. И пока очередная поминала, следующая терпеливо ждала своей очереди во дворе.

Михаил Ефимович скончался ближе к концу сентября, на самом исходе явно запоздавшего ныне «бабьего лета».

Было тихо, почти безветренно. Повисшие над головами курильщиков клубы табачного дыма казались причудливыми фигурами из сизо-голубоватого стекла, а сами мужики с папиросами и сигаретами в зубах – волшебниками-стеклодувами, их рождающими.

Ушел в мир иной Михаил Ефимович возрастом уже за девяносто, умер быстро, тихо и незаметно, не обременив никого затяжными болезнями и сопряженных с ними тягостным уходом.

Валентина Кондратьевна умерла несколькими годами раньше, а парой они при жизни были замечательной. Мы с женой и сами успели в том убедиться, когда и тот и другой находились еще в полном здравии. Соседи ж, как-никак...

Лет около десяти назад на этом краю поселка, неподалеку от Железиных, мы купили дом. Небольшой такой рубленый домишко с приусадебной землицей соток в пятнадцать в придачу. Сами Железины, узнав о нашем желании обзавестись в здешних местах годящимся под летнюю дачу строением, его и присоветовали, когда прежние жильцы надумали переезжать в другое место.

Мы с женой сюда и раньше наведывались. Нам тут нравилось. Здесь заканчивался поселок, а большой дом Железиных завершал эту его окраинную улицу. Дальше, правее начинался уклон, упирающийся в согру. А если смотреть прямо, то взору открывался чудный простор с пологим, заросшим спорышем и другой меленькой травкой, спуском, вдали как бы терявшимся в водной глади небольшого озера в полутора километрах отсюда. Водились в нем пескари и небольшие карасики, и можно было купаться. И вот наше желание осуществилось.

Дядя Миша (возрастная разница лет в тридцать между нами, а с другой стороны, сразу же возникшая взаимная симпатия позволяли нам его так по-свойски называть) не только дом нам этот присоветовал купить, но и помог с ремонтом. Мастером был он на все руки: хоть плотником мог, хоть механизатором широкого профиля, хоть электриком. Много лет на местном маслозаводе механиком по ремонту оборудования трудился, и на него там буквально молились, поскольку при Михаиле Ефимовиче все работало на предприятии, как часы.

Он вообще без дела ни минуты находиться не мог. Даже когда, бывало иногда, на закате дня посиживали мы с ним на бревнышке у ограды в неспешных беседах, руки дяди Миши с заскорузлыми узловатыми пальцами не пустовали, обязательно находил им хозяин какое-нибудь занятие – хотя бы прут тальниковый для удилища в процессе разговора ошкурить.

Благодаря мастерству дяди Миши ветшающий дряхлеющий домишко мой приосанился, посветлел, повеселел – обрел, в общем, вторую молодость. Мы с женой его полюбили и пропадали здесь с небольшими перерывами с мая по октябрь. И сдружились со стариками.

К тому времени за их плечами была большая совместная жизнь, главным результатом которой стали дети, внуки, а потом и правнуки.

Не сказать, что я часто и подолгу говорил с дядей Мишей «за жизнь». Он вообще не был словоохотлив. А себя и вовсе стоящим внимания предметом разговора не считал. Хотя, я уверен, немало интересного о себе мог бы поведать. О военных годах, скажем. Как-никак, всю Великую Отечественную прошел. И не просто прошел. А, можно сказать, геройски. Три ранения, две контузии. С десятком орденов и медалей.

Однажды, когда он отправлялся на собрание ветеранов, посвященного дню Победы, я увидел его при полном параде. Впечатляющий у дяди Миши был «иконостас»! Но мне показалось, что он как-то вроде бы стеснялся своих наград. Во всяком случае, неловко чувствовал себя в парадном кителе. Он и вообще страшно тушевался, когда его просили рассказать о военных подвигах. Будто само это слово его пугало, и он всеми силами пытался дать понять, что оно к нему – ну, никак не может относиться, в чем был, конечно, совсем не прав.

2

Миша Железин родился и вырос в поселке Зарубино в двадцати с небольшим километрах от райцентра. Здесь и жил безвыездно до Великой Отечественной. После семилетки работал в колхозе. А в октябре 1941 года (ему как раз стукнуло девятнадцать) его призвали в действующую армию.

И оказался Миша далеко от родного дома: сначала на Дальнем Востоке, где служил прожектористом в артиллерийской дивизии, потом – в стрелковой бригаде Калининского фронта, которая вела в октябре 1942 года тяжелые бои за освобождение города Великие Луки.

Части Красной Армии несли там большие потери. В полку, где служил Железин, из двух тысяч бойцов в живых осталось лишь шестьдесят. Сам же Михаил в тех боях впервые был ранен. Но не какой-нибудь там шальной пулей. Очередь фашистского пулеметчика, засевшего под бетонным колпаком дота, в последний момент успела достать молодого солдата...

Михаилу повезло. Солдатский ватник и его защитил, и гитлеровский пулемет заставил захлебнуться. А взвод, благодаря этому смог подняться и завершить атаку. По сути, дядя Миша предвосхитил подвиг Александра Матросова. Только совершил его на свой лад и остался жив.

Героический тот поступок был отмечен первой в военной биографии Михаила Ефимовича боевой наградой – орденом Красной Звезды. Но об этом он узнал потом, в Ивановском госпитале, куда был отправлен из медсанбата на излечение. А сам орден Михаилу вручили и того позднее, когда он уже заканчивал в Калининне шестимесячные курсы младших лейтенантов.

Новоиспеченный офицер был направлен командовать взводом в одну из дивизий 3-го Прибалтийского фронта. Боевой век «ванек-взводных» в кровавой той войне был очень недолог. Гибли иной раз, даже не успев по-настоящему почувствовать себя командирами. Участие дядю Мишу миновало. При освобождении Витебска он хоть и был опять серьезно ранен, но остался жив. А на груди его рубиново засветился второй орден Красной Звезды.

Как-то так совпадало, что каждое ранение дяди Миши сопровождалось получением нового ордена. Бои за Днепр не стали исключением. В ходе них – еще одно ранение и третий орден – теперь «Отечественной войны» I степени, которым Михаил Ефимович Железин был награжден, как явствовало из «наградного листа», «за форсирование Днепра и взятие укрепленной обороны противника».

Последнее ранение оказалось особенно тяжелым, и война для него фактически закончилась. В конце апреля 1945 года гвардии капитан Михаил Железин, получив вторую группу инвалидности, был подчистую комиссован и вернулся в родное Зарубино.

Такова в самых общих чертах боевая биография дяди Миши, которую я узнал вовсе не от него самого. Он-то как раз об этом не любил вспоминать.

Сведения я почерпнул в архивах облвоенкомата, когда, собирал нужные материалы для книги о ветеранах-фронтовиках «Они вернулись с победой». Мыслилась она своего рода дополнением к областной Книге памяти, содержащей сведения о погибших в Великую Отечественную наших воинах-земляках. Но, в отличие от нее, посвящена была по многочисленным просьбам родственников фронтовиков, ратовавших о восстановлении справедливости уже тем, кто, пройдя дорогами войны, вернулся домой живым. Дядя Миша был как раз одним из них.

Узнав о готовящемся издании, я сообщил Любе. «Вот бы туда и о папе нашем...» – мечтательно сказала она. «Давай попробуем», – предложил я, и мы взялись за дело. Люба пересматривала семейные архивы (дяди Мишины фотографии, справки о ранениях, наградные документы, письма с фронта) я – официальные. От дяди Миши свои изыскания мы скрывали, зная, что к затее нашей он отнесется в лучшем случае прохладно.

Когда книга «Они вернулись с победой» вышла, ее торжественно вручали Михаилу Ефимовичу в районном ДК, несказанно удивив и растрогав старика. Из тех, кто, как и он, пройдя войну, уцелел и вернулся, в живых ко времени выхода книги, уже никого не осталось. И это еще больше усиливало значимость момента.

Не привыкший к подобному вниманию, дядя Миша растерянно топтался на клубной сцене, принимая из рук чиновников районной администрации персональный экземпляр книги «Они вернулись с победой», пакеты с подарками, цветы, и глаза его предательски блестели. А когда ему передали для ответного слова микрофон, дядя Миша и вовсе так стушевался, что закашлялся прямо в него. Было видно, что этой трубочки с дырчатым набалдашником, разносившей его кашель по всему залу, он боится сейчас ничуть не меньше той фашистской амбразуры. Но дядя Миша сумел и здесь себя побороть, собраться с духом и заговорил срывающимся голосом:

– Земляки!.. Родненькие мои... Нас много тогда сибиряков на фронт ушло. Из нашего Зарубино – семеро. Назад только мало вернулось. И те – раненые, калеченые, болезные. Да и потом... Война хоть и кончилась, а продолжала одного за другим из жизни выдерживать. А ноне я и вовсе из тех бойцов один на весь район живым остался. И за всех сказать хочу: «Спасибо, родненькие, что не забываете нас! Не зря, стал-быть, мы воевали...»

Дядя Миша, замолчал, не в силах продолжать дальше, махнул рукой и ею же, тыльной стороной ладони промокнул вспотевший лоб и набежавшие слезы...

Собирая сведения о боевом пути Михаила Железина для книги «Они вернулись с победой», я загорелся идеей написать нечто большее скупой документальной справки. Так параллельно родился у меня очерк, дяде Мише посвященный. Очерк получился, как мне казалось, живой, красочный и, как выразился один мой коллега-журналист, в меру правдивый. Его охотно опубликовала областная газета. Очерк украшал фотопортрет дяди Миши, сделанный в редакционной фотолaborатории на основе одной из его фронтовых фотографий.

Как только очерк был напечатан, я подарил его герою несколько экземпляров газеты. Нацепив на кончик носа очки, дядя Миша долго водил им по газетным строкам. Так долго, что, казалось, пробовал на вкус, цвет, запах каждую букву. Я уже изрядно устал от ожидания, когда он, наконец, оторвался от газеты.

Я с нетерпением воззрился на него. Дядя Миша неторопливо и аккуратно сложил газету, молча пожевал губами и задумчиво посмотрел поверх моей головы.

– Ну, что молчишь-то, старый, человек ждет? – подтолкнула его Валентина Кондратьевна.

– Дак... чего же... – очнулся дядя Миша. – Ладно написано. Слово к слову. Спасибо, Серега, уважил старика... – Он снова замолк, что-то прокручивая в своем мозгу, и через пару мгновений продолжил: – А только вот читаю и вроде как узнаю себя и не узнаю. С улицы – один, солнцем весь залитый, а изнутри, за дверью входной, – другой. Только после солнца, в сумраке, трудно разглядеть какой...

– Ой, да не слушай его, Сережа! – рассердилась Валентина Кондратьевна. – Буровит, что попало. Замечательно написано!

– Так и я о том же самом! – поспешно воскликнул дядя Миша.

А я, уязвленный его словами, в душе не мог с ним не согласиться: видно, и правда не сумел «потемки» его боевой души, как следует, высветить. Солнцем, оказалось, облить проще. И подумалось тогда, что правдивее и лучше самого дяди Миши рассказать о его фронтовых буднях никто не сможет. Особенно подрастающим поколениям.

И однажды, держа это в уме и откликаясь на просьбу классного руководителя моего внука-шестиклассника устроить встречу с **настоящим** участником Великой Отечественной

войны (не секрет, что чем дальше от нее, тем больше объявляется участников самозванных), я обратился к дяде Мише с предложением пообщаться со школьниками, рассказать им о войне.

– Нет-нет-нет!.. – затряс он головой. – Пусть лучше книжки про войну читают.

– Книжки – одно, а живой участник – другое.

– Ну, что я могу детворе рассказать? – продолжал сопротивляться дядя Миша. – Ничего ж такого не сделал?

– Да, конечно, а три ордена тебе просто так дали! – напирал я.

– Мне одному, что ли, давали? Тогда у многих грудь в орденах – и по более моего – была, – не сдавался дядя Миша.

– Расскажешь, как амбразуру вражескую закрыл, – напомнил я.

– Ну, закрыл. Чего особенного-то? – пожал плечами дядя Миша.

– Ничего себе – особенного! – вознегодовал я. – Матросов за это Героя получил.

– Так Матросов на амбразуру лег, – возразил дядя Миша. – Сгоряча, поди-ка. Не лег бы – наверное, выжил, но зато без Героя б точно остался. А я амбразуру собой не закрывал. Эти доты по-всякому глушили. Бывало, и телогрейки хватало его заткнуть.

– Телогрейки? – удивился я.

– Ну, да, обычного армейского ватника. Мы в такой стеганке с поздней осени и почитай до весны хаживали. Вещь удобная. Особенно в бою.

– И как вы ею ухитрялись пулемет глушить?

– Тут главное суметь подползти к доту так, чтобы хоть на самое короткое время вне сектора обстрела оказаться, в мертвой зоне. А уж здесь прямо на земле, не поднимаясь, ужом извиваясь, разблотаешься, телогреечку с себя стаскиваешь, скатываешь, потом приподнимаешься со скаткой, делаешь резкий бросок к доту и, прижавшись к его бетонной стеночке подбираешься сбоку к амбразуре. Теперь главное попасть скаткой прямо в щель, чтобы закрыть пулеметчику обзор. Пока он там вошкается, разбираясь, что да как, взвод успеет дело довершить. Так что ежели с умом и сноровкой, то дырку с пулеметом можно и фуфайкой заткнуть. Я знал мужиков, у которых на счету не одна такая заткнутая «дырка» была. Старшины, правда, сильно ругались за порчу казенного имущества.

– Здорово! – восхитился я.

– Здорово, если после этого цел невредим. А у меня ни сноровки, ни опыта тогда еще не было. Скатка не совсем точно на амбразуру легла. Я, было, потянулся ее поправлять – вот фриц заметил и успел меня очередью зацепить. Правда, тут же и захлебнулся. Секунды на все про все хватило. Ну, да на войне всего не предусмотрить...

– Вот об этом и расскажешь!

– Кому? Детворе? Им про геройство надо. А тут какое геройство? Обычное солдатское дело. Может, прикажешь рассказать им еще и о том, как в полный рост окапывались да блиндажи строили. Сколько этих траншей да нор за войну нарыли – не сосчитать! Или рассказать, как по голому полю в атаку бежали, ровно зайцы, петляя, чтоб под пулю не угодить? Кому это интересно? Война, брат, дело грязное и скушное...

В общем, не сумел я тогда уговорить дядю Мишу пообщаться со школьниками.

«И не старайтесь!» – сказала Люба. – Уж сколько я его к себе в школу зазывала – бесполезно!»

Да и в разговорах наших к военной поре его жизни дядя Миша больше не возвращался. Я и не настаивал, поняв, что тема эта для посторонних закрыта. Лишь однажды, придя к нему поздравить с Днем Победы, не удержался, спросил:

– Скажи, дядя Миша, а что для тебя там, на войне, важнее всего было? Ну, понятно, – уцелеть. А еще?

Дядя Миша, нацелившийся вилкой на соленый груздок в тарелке, чтобы закусить им только что опрокинутую рюмку, так и застыл, не ожидая, видимо, моего вопроса.

– Да кто ж его знает... – неуверенно пробормотал он, осторожно кладя вилку на стол. – Тогда об этом некогда было думать. Главное – приказ выполнить, в бою не оплошать. Ну и, конечно, верно говоришь, уцелеть. Когда рядовым был – самому. Командиром стал – еще и бойцов сберечь. А пуше всего хотелось скорее войну кончить и назад, в Зарубино!

Дядя Миша задумался, забыв про так и оставшийся лежать в тарелке груздь.

– Закусывай, Мишаня, закусывай, а то окосеешь! – вывела мужа из задумчивого оцепенения тетя Валя и сама, проткнув груздь, поднесла вилку к его губам.

Дядя Миша послушно принял гриб в свои уста и заработал челюстями.

– Я ведь еще совсем зеленым был, когда призвали, – сказал он, расправившись с груздем. – Ничего не успел. В колхозе, как говорится, быкам хвосты крутил, профессии никакой, гоняли по разным работам: пойдешь туда, сделай то!.. – Дядя Миша осторожно оглянулся на отошедшую к противоположной стене залы тетю Валю, потом наклонился к моему уху и, озорно сверкнув глазами, прошептал: – Даже девок-то еще не щупал. Зато в окопах они частенько блазились. А оттого еще больше домой хотелось. Особенно после ранения на Днепре, когда война уже на исход пошла. Все мечтал в госпитале: вот вернусь, выучусь на кого-нибудь, женюсь... К концу войны мне двадцать четвертый год шел. Самая пора о том думать. Сам в большой семье вырос, и свою такую же хотел завести.

– Ну, а пока суть да дело, замутил бы там, в госпитале, с какой-нибудь медсестричкой, – весело подмигнул я дяде Мише.

– Не, – сразу посерьезнел он. – Я так не могу. Своей на всю жизнь я среди них не увидел. А на чужое или даже ничейное зариться не привык.

3

Ее, единственную для себя и заветную, Михаил Железин встретил уже за пределами войны. И не сразу.

Совсем иные поначалу одолевали заботы. Надо было осваивать мирное бытие, из привычной колеи которого выбила война. Приходилось теперь заново, как после тяжелого ранения, учиться ходить по мирной земле, приравниваться к ее ритму и, конечно же, искать себя и свое в месте в ней. Обретать в первую очередь профессию. Какую? Михаил пока не знал.

Работы он не чурался, брался в колхозе за всякую, хотя не всякая уже была по плечу. Напоминали о себе время от времени фронтовые раны, словно бы подтверждая, что инвалидность зря не дают. Наконец, определили Железина учетчиком в тракторную бригаду. Здесь было полегче, но Михаил понимал, что с этой работой не хуже могут справиться и старый и малый, а для мужика, прошедшего войну, ее и вовсе к настоящей серьезной профессии, способной не только кормить, но и вызывать уважение, отнести нельзя. Поэтому при всей своей природной добросовестности невольно испытывал тягостное неудовлетворение. И когда председатель колхоза предложил ему место счетовода, которое все военные годы занимала эвакуированная из Харькова женщина, решившая вернуться в родной город, Михаил долго не раздумывал.

И через недолгое время его отправили набираться бухгалтерской мудрости в райцентр, где была школа подготовки счетных работников. И это стало едва ли не поворотным пунктом всей послевоенной жизни Железина.

В школе Михаил познакомился и подружился с парнем из соседнего района, с которым, как выяснилось, они воевали в одной дивизии, но разных ее частях, а познакомиться довелось только здесь. Вот уж поистине – гора с горой не сходятся, а человек с человеком...

Парни и квартировали теперь вместе, сняв комнату у местной одинокой старухи.

Но куда важнее оказалось другое. У Василия Плотникова (так звали обретенного Михаилом друга) была младшая сестра. Поначалу Михаил не придавал этому никакого значения. Ну, сестра и сестра. У него тоже и братья, и сестры имелись. Эка невидаль! Но незадолго до Нового года Василий сообщил, что в начале января сестра собирается его проведать. Может, даже и погостит пару деньков. Она училась в педучилище и у нее как раз начинались зимние каникулы.

А через неделю Михаил увидел и ее саму. Увидел и лишился дара речи.

После легкого стука в дверь на пороге их съемной комнаты вдруг возникла круглолицая, с алым румянцем на тугих щеках, с налитыми пунцовыми губами девушка, показавшаяся Михаилу сказочным краснобоким наливным яблоком. От неожиданности он так растерялся, что лишь молча пялился на нее. А девушка, освободившись от заплечных лямок туго набитой котомки, опустила ее на пол у ног в черных пимах, развязала и стянула теплый полушалок с темноволосой головы и, окончательно обезоружив Михаила радостной распахнутой улыбкой, сказала:

– Здравствуйте! Я Васина сестра Валя. Вот заехала посмотреть, как вы живете. Вы же Миша, да?

Ее карие глаза искрились принесенными с морозной улицы снежинками. Михаил очнулся и засуетился, смущенно бормоча:

– Да, да, Миша... Вася говорил о вас, ждал... Он сейчас из магазина вернется...

Михаил помогал Вале освободиться от модного в ту пору у сельских женщин плюшевого жакета и не мог оторвать взгляда от гостьи. Заметив его внимание, она тоже засмушалась и чуть подопнула валенком котомку:

– Это вам гостинец.

Михаил подхватил котомку, поставил на круглый стол посреди комнаты и опять застыл, не зная, что сказать и делать дальше. На его счастье вернулся Василий.

– Валюха! – обрадовался он и стиснул сестру в объятиях. – А это вот... – кивнул Василий в сторону друга, собираясь представить его сестре, но она, стрельнув в Михаила взглядом, от которого у него перехватило дыхание, не дала брату договорить:

– Да мы, Вася, уже познакомились...

Потом они долго сидели все вместе за круглым столом, угощались салом, домашней колбасой и соленьями из Валиной котомки, закусывая всем этим добром оттуда же извлеченной чуть желтоватой самогонкой в пол-литровой бутылке, и вели разговоры. В основном брат с сестрой о своем, родственном. Михаил помалкивал, изучая узор на скатерти, а когда отваживался поднять глаза, наткнулся на заинтересованный Валин взгляд, который будто о чем-то спрашивал его.

– Что-то, Вася, мы с тобой расчирикались, а Миша вон совсем заскучал, – обратила внимание брата Валя.

– Ты чё, Мишаня, засмурнел? Давай, вздрогнем, – потянулся Василий к бутылке.

– Да нет, ничего... – отозвался Михаил и вздохнул: – Скорей бы школу закончить да домой. Работать...

– Это – да, – согласился Василий. – Скорей бы!

– Ой, ребята, как я вас понимаю! – воскликнула Валя. – Сама сплю и вижу, когда, наконец, училище закончу. А ведь мне еще полгода...

Василий договорился с хозяйкой, и Валя задержалась у них еще на три дня.

Ничего радостнее и счастливее этих дней Михаил в своей жизни еще не видел. Несмотря на январский холод, подолгу гуляли они по заснеженным улицам райцентра. Скрипел под пимами рассыпчатый снег, искрились в Валиных глазах снежинки, а тронутое морозом круглощекое лицо ее здесь, на свежем воздухе, еще больше напоминало наливное яблоко.

В каком-нибудь безлюдном переулочке или тупичке они останавливались. Волнуясь, Михаил брал Валю за плечи, а она, словно для нее это был сигнал, вскинув освобожденные от варежек руки, обвивала его шею, и, тесно прижималась к груди, прожигая нерастраченным жаром своего молодого тела все их одежды. Объятия незаметно переходили в столь же жгучие поцелуи на морозе, от которых рвалось из груди сердце, и туманилась в голове...

И эти объятия, и поцелуи, да и просто само присутствие так невероятно близко молодой девушки для Михаила Железина было впервые, совершенно внове. Он чувствовал, что сражен Валею наповал, влюблен беспamięтно, необратимо и уже жить без нее не сможет. Осталось только признаться в этом, сказать заветное слово-ключик – люблю, но Михаил никак не мог решиться. Вражескую амбразуру закрывать оказалось для него делом менее трудным.

А Валя, явно чувствуя его состояние, нежно гладила Михаила по щекам и ожидающе заглядывала ему в глаза. Так и не услышав признания, сама пошла на помощь.

– Миша, я ведь тебе нравлюсь, правда? – задала она ему вопрос с готовым ответом.

Железин кивнул, сглатывая комок в горле.

– Ну, так не молчи, скажи!

– А что говорить? Ты сама, поди, видишь...

– Мало ли что я вижу. Может, мне это кажется. Я услышать хочу. От тебя услышать! – легонько толкнула она его плечиком.

– Нет, не кажется. Нравишься... Очень... Очень!.. Я тебя... Эх, кабы ты знала, как я тебя... – забормотал совершенно растерявшийся Михаил, а Валя рассмеялась:

– Вот и скажи, чтоб я знала, трусишка!

Михаил, наконец, собрался с духом – сказал. И сразу же почувствовал огромное облегчение. Словно от тромба освободился, дав кровотоку выход. Не мешкая, и предложение сделал...

Они договорились с Вале́й, что, окончив педучилище, она приедет к нему в Зарубино, где и распишутся. А с работой решили так. В Зарубино была начальная малокомплектная школа с несколькими десятками учеников и двумя учителями, работавших здесь еще с довоенных времен. Одной из них перевалило за семьдесят. Она часто болела и давно просила найти ей замену. Теперь такая возможность появлялась.

Когда Валентина с Михаилом объявили о своем решении стать мужем и женой, Василий не удивился, только хмыкнул весело:

– Быстро вы, ребята, дело сладили! – И обнял обоих: – Правильно: что тянуть, если сердца друг дружке отозвались.

Вечером отметили помолвку, а утром Валя возвращалась домой. Пригородный поезд они ожидали на платформе. Василий, деликатно отвернувшись, курил в сторонке. Валя плакала, уткнувшись Михаилу в грудь, а он, успокаивающе глядя ее по спине, сам едва сдерживал слезы.

Пригородная «передача», увозившая Валу, уже скрылась из виду, а Михаил продолжал истуканом стоять на платформе, пока Василий, успевший выкурить несколько папирос, не стал трясти его за плечо, заставляя очнуться...

В середине июня Валя, теперь уже дипломированный учитель младших классов, приехала по распределению в Зарубино.

4

Родным Михаила Валя сразу же пришлось по душе. Семейный клан ее безоговорочно принял.

Свадьбу сыграли в середине сентября, в разгар «бабьего лета». Михаил надеялся, что будет она немногочисленной и скромной. Не получилось. Одних только родственников с обеих сторон набралось несколько десятков. Да и помимо того разного люда деревенского засвидетельствовать свое почтение набралось изрядно.

Валя сияла от счастья. Зато Михаил хмурился, глядя на это столпотворение (не любил он всякой такой шумихи) и молил бога, чтоб скорее все закончилось. А когда на третий день веселье стало затухать, облегченно вздохнул.

На этом, собственно, лирическая часть истории любви супругов Железиных и заканчивается. Дальше – проза семейной обыденности, часто трудной, а порой и совсем невеселой.

Жили молодые поначалу в родительском доме. Пятистенная изба, срубленная еще прадедом Михаила, делилась на две неравных половины. Одну, меньшую, занимала кухня с русской печью, другую, большую, – горница. К основному срубу примыкали тоже рубленные, только бревном потоньше и высотой пониже сени с кладовкой и чуланом.

Когда Михаил со старшим братом Павлом и сестрой Машей были еще маленькие, всему семейству Железиных хватало места в избе. Родители с детьми занимали горницу, а дед с бабушкой обретались на кухне с большой русской печью, которую венчала теплая лежанка.

Дети росли, выросли. В просторной некогда горнице становилось тесно. Тогда отец Михаила с помощью сыновей переделал кладовку в небольшую комнату с выходом в сени, расширив тем самым жизненное пространство, куда и переселился с матерью.

Потом война, братья Железины на фронтах да госпиталях еще долго не попадут домой. А когда попадут, узнают, что нет больше деда с бабушкой – один за другим ушли они в мир иной.

Вернувшийся после госпиталя Михаил, уже и сестру дома не застанет. Успела Маша выскочить замуж за майора интендантской службы и отправиться кочевать вместе с ним по гарнизонам и военным городкам.

Павел, демобилизованный на полгода раньше Михаила, тоже совсем недолго оставался в холостяках. И горница на правах семейного человека отошла к нему. Старшие Железины переместились на кухню, а Михаил – в бывшую кладовку. Сюда же потом и молодую жену привел.

И на старте семейной жизни им этого вполне хватало. Однако уже через пару лет, когда у них родилось двое детей, и намечался третий, пришлось задуматься о дополнительной жилплощади. Прикидывая и так, и этак, Михаил все тверже приходил к мысли о собственном доме. Купить готовый – не по средствам, да и очень редко, кто продает, а вот построить новый...

Михаил к этому времени (началу пятидесятых годов) окончил курсы механизаторов и работал в Зарубинской МТС. Располагалась МТС неподалеку от его родного села, в котором в довоенную еще пору был создан одноименный колхоз. Большинство работников МТС здесь же, в Зарубино, и жили – кто, как Михаил под общей крышей родительского дома, кто в примаках, а кто по съемным углам. Так что проблемы с жильем были не у одного Железина. И не только в МТС. Не менее остро стояли они и в колхозе. И тогда оба хозяйства решили, объединив усилия, построить несколько двухквартирных домов для семейных работников и общежитие для одиноких.

Михаил Железин был в МТС на самом хорошем счету. Его ценили и уважали за трудолюбие и безотказность, за готовность в любой момент прийти товарищам на помощь, а еще

за то, что был мастером на все руки. Поэтому никто не удивился, что в списке на получение квартир в новостройке Железин оказался в числе первых.

В начале марта пятьдесят третьего года Железины получили новую квартиру в одном из только что построенных домов. Официального новоселья не было. Политическая ситуация тому не способствовала. Только что ушел из жизни великий вождь и отец советских народов. Везде были развешаны красные флаги, обшитые траурной каймой. Скорбеть полагалось, а не радоваться. А с другой стороны, почему бы и не порадоваться собственной крыше над головой, о которой столько мечталось?

– Я думаю, что товарищ Сталин за вас тоже порадовался бы!» – убежденно сказал директор МТС, вручая новоселам ключи от квартиры. – За лучшую жизнь вы и кровь на войне проливали, за нее, родимую, и сейчас, не покладая рук, работаете. Так что живите и радуйтесь! И нас своим ударным трудом радуйте! – И дал новоселам отгул для переезда.

А после переезда семейный клан Железиных, от самых старших и до совсем еще малых, собрался у новосела и все-таки устроил скромное застолье. Первый тост (не чокаясь), был, разумеется, за безвременно ушедшего Иосифа Виссарионовича, а дальше – «мелкими пташками» – за новые хоромы и тех, с чьей доброй легкой руки они появились, за здоровье присутствующих, за тех, кого нет с нами, но которых мы всегда будем помнить. Ну, и конечно, за то, чтобы нам жилось хорошо, а детям и внукам нашим – еще лучше.

После комнаты-кладовки, где ютились до сих пор Михаил с Валентиной и тремя детьми, новое жилье и впрямь казалось им хоромами. Еще бы! Большущая гостиная, перед которой горница в родительском пятистеннике просто меркла, комната поменьше, но тоже крупнее их «кладовки», просторная кухня. Плюс к тому приусадебное хозяйство с надворными постройками и несколькими сотками земли для огорода. А на улице у дома одна на двух хозяев колонка артезианской скважины.

Но едва ли не больше всего этого жилого великолепия грело Михаила еще одно обстоятельство – отдельный вход в свою половину дома, который помогал ему острее ощутить себя настоящим хозяином семейного гнезда. Не сказать, что Михаила так уж угнетало вынужденное сосуществование в стенах родовой избы трех поколений Железиных (большинство в селе испокон веков так жили), но только в новом доме он впервые почувствовал себя полноценным главой семейства – самостоятельным и независимым.

Брат завистливо вздыхал:

– Повезло тебе, Мишка, подфартило!

– А ты бы ломил, как Мишка, тогда, глядишь, и тебе подфартило б, – урезонивала его жена.

А Валя, когда они окончательно обустроились на новом месте, как-то вечером, перед сном, жарко прижимаясь к мужу, сказала:

– Теперь можно и о четвертом подумать.

– Можно, – согласился Михаил. – А то недокомплект: девок у нас две, а пацан только один. Надо поровну.

И года через полтора, как по заказу, родился у них второй сын.

Забот и хлопот в семье Железиных прибавилось. Четверо детей – не шутка. Школу, в которой Валентина Кондратьевна проработала без малого десятков лет, пришлось оставить. Вся тяжесть содержания семьи как на единственного кормильца легла на плечи Михаила Ефимовича. И он крутился как белка в колесе, пропадая зимой в мастерских МТС, готовя технику к новому сезону полевых работ, а с весны до поздней осени – в полях: то на тракторе в пахоту и посевную, то на комбайне в уборочную. А надо было находить еще время на собственный огород, скотину, без которой в деревне с большой семьей в те годы очень трудно было прокормиться. Корову Железины не держали (механизаторы по договоренности с колхозом брали

молоко на ферме), а вот парочку поросят на откорм по весне брали, и полтора десятка кур имели. Так что из дома уходил Михаил с рассветом, возвращался затемно.

В МТС Михаилу Ефимовичу по работе, конечно, весьма достойно и воздавалось. За трудовые успехи свои получал он благодарности, почетные грамоты, премии, ценные подарки. А в шестьдесят первом году по итогам 6 пятилетки был награжден орденом Трудового Красного Знамени. К тому времени уже не стало МТС. Но поскольку технику передали колхозам, Михаил Ефимович продолжил работать в родном Зарубино.

Впрочем, сам он больше радовался не наградам (хотя, чего греха таить, тоже очень приятно), а тому, что, несмотря на все трудности, ему удается кормить свою немалую семью и обеспечивать ей нормальную жизнь. Все в ней, а главное дети их – сыты, обуты, одеты, не бедствуют, имеют самое необходимое.

Правда, от него самого при этой бесконечной сухоте к поздней осени, когда завершались полевые работы, оставались только кости да кожа. Валентина с жалостью смотрела в воспаленные от недосыпа глаза мужа и просила:

– Ты бы как-то берег себя, Мишенька!

Хотя и самой с четырьмя детьми, да домашним хозяйством тоже приходилось несладко. Хорошо, с ребятишками серьезных проблем не было. Болели, слава богу, редко. Жили между собой дружно. Старшие опекали младших, а если что, стояли против обидчиков друг за друга горой. Дома же, как могли, помогали матери по хозяйству: и в квартире убраться, и по воду сходить, в ограде снежок почистить, а летом – грядки на огороде прополоть и полить.

Валентина Кондратьевна была от природы наделена педагогическим даром. И не только на ее уроках, которые проходили всегда живо, увлекательно, не оставляя места скуке, это проявлялось. Ее ученики и вне занятий ходили за ней по пятам, как цыплята за наседкой. О своих собственных и говорить не приходилось.

Хотя держала их она довольно строго, не сюсюкала и особо не баловала. Могла отругать, если заслуживали, или даже по мягкому месту шлепнуть. Но получалось это у нее не больно и не обидно, и принималось как нечто совершенно естественное и само собой разумеющееся.

Михаил Ефимович детей и вовсе не наказывал. Он даже голоса на них не повышал. Но его слово было законом. По два раза не повторял. В педагогике Михаил Ефимович был не силен. О том, как надо правильно воспитывать детей, понятия не имел. Он просто любил их, никого своей любовью не обделяя, но и не выделяя. Однако каждый из четверых и все вместе флюиды отцовской любви ощущали, можно сказать, на клеточном уровне. И когда Михаил Ефимович появлялся в доме, все внимание ребятишек мгновенно переключалось на него. Если, конечно, к тому времени они еще не успели отойти ко сну.

По заведенному порядку сначала – «разбор полетов». Валентина Кондратьевна рассказывала, как прошел день, кто чем отличился – в школе, дома или на улице. Михаил Ефимович, каким бы усталым ни был после работы, внимательно выслушивал, рассматривал странички дневников (старшие сын и дочь уже ходили в школу) и тетрадок с оценками. «Молодец!» – скупое хвалил за хорошие. «Срамота!» – говорил, увидев изогнутую лебединую шею двойки. И коротко бросал: – Исправить!» Звучало это как не подлежащий обсуждению приказ, который обязательно выполнялся.

Редкие выходные Михаил Ефимович посвящал в основном домашнему хозяйству. Дел, пока он пропадал на работе, накапливалось много. Лишь иногда удавалось вырваться на рыбалку или за грибами. Здесь тоже без детей не обходилось – старшие увязывались за ним, младшие обиженно шмыгали носами, что их не взяли.

Так и жили дружным семейным колхозом, в одной семейной упряжке. И, казалось супругам Железиным, что такой, пусть трудной и хлопотной, но счастливой их жизни, не будет конца. Тем более что оба они находились к этой поре в самом расцвете сил. Лишь бы не было войны...

5

Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает, и не знаешь, откуда беды ждать и где на всякий случай соломки постелить. А беда частенько как раз и приходит, откуда меньше всего ждешь.

Даже и подумать никто не мог, что никогда не жаловавшуюся на здоровье Валентину Кондратьевну настигнет коварный туберкулез. И где он ее подкараулил?

Как объяснил потом, уже в тубдиспансере, лечащий врач, подхватить эту заразу очень даже просто. Достаточно, не предприняв мер предосторожности, побывать рядом некоторое время с больным открытой формой туберкулеза. При кашле и чихании такого больного микроскопические частички слизи и микробы разносятся на значительные расстояния, провоцируя заражение здоровых людей.

И где подвернулся ей такой злостный туберкулезник – уму непостижимо, но факт оставался фактом. Началось с сухого кашля, от которого першило в горле. А к вечеру поднималась температура. Градусов до 37 с небольшим, но регулярно. Валентина Кондратьевна списывала это на простуду. Чаю с травками да с медком попьет, думала, и пройдет.

Не проходило. Даже наоборот. Исчез со щек ее «фирменный» румянец, лицо мучнистая бледность покрыла. Она стала быстро утомляться. Корма курам, пороссятам задаст, пару ведер воды в дом принесет – уже от усталости ноги подкашиваются, одышка одолевает и головокружение, будто только что с карусели встала. Посидит несколько минут, приходя в себя, да снова, вялость с апатией пересиливая, пойдет хлопотать по хозяйству.

Дальше – больше. Начали мучить одышка и боли в груди. И кашель пошел с мокротой, хрипами. А тут еще и в весе Валентина Кондратьевна начала терять. Толстухой она никогда не была, родив четверых, округлилась, обрела некоторую, вполне естественную для ее состояния многодетной матери, дородность, нисколько, впрочем, ее не портившую. И вдруг, ни с того, вроде бы, ни с сего, она стала быстро худеть.

Михаил Ефимович забил тревогу. Повез жену в районную больницу. А там после рентгена с подозрением на туберкулез ее направили обследоваться в областной тубдиспансер. Тревожные опасения здесь подтвердились, и Валентина Кондратьевна с диагнозом «туберкулез легких» «задержалась» в диспансере больше чем на полгода проходя сложное и трудное лечение. Исполнилось ей тридцать пять, и была она в самой поре женского расцвета.

Весь груз семейных забот лег на плечи Михаила Ефимовича. И хорошо бы случилось это где-нибудь поздней осенью, когда все с полей убрано, в зиму вспахано, а впереди свободное до весны от горячей работы время. Но Валентина Кондратьевна оказалась в диспансере в конце марта, накануне нового полевого сезона. Вот-вот должна выйти на поля техника, и требовалось подготовить ее так, чтобы не было у нее после ремонта сбоев, чтобы работала, как часы. А там пахота, сев... и так далее до завершения уборочной страды. И, как всегда при всем этом, без выходных и проходных по давно заведенному хлебобобовому порядку.

Но порядок на сей раз ломался. В отсутствие жены Михаил Ефимович, как никогда, остро почувствовал, насколько важное место занимала она в семье. Когда Валентина Кондратьевна находилась дома, он мог всецело отдаваться работе, не волнуясь за детей и домашние хозяйство. Они находились в надежных руках женщины, обеспечивавшей прочный семейный тыл. Теперь же Михаилу Ефимовичу приходилось разрываться между работой и домом.

Утром до работы Михаил Ефимович поднимал «детский батальон», как называл он своих отпрысков, усаживал завтракать. За трапезой давал «вводную» на день. Старшие сын и дочь (Коля и Люба), учащиеся шестого и пятого классов, получали задание после школы по дороге домой купить хлеба и, при необходимости, продуктов, каких наказывал отец. А после обеда натаскать воды, дров, прибраться в доме, задать корм курам и пороссятам, сводить погу-

лять «малышню». Ну и, само собой, выполнить школьные домашние задания. Младшим же (Наде и Витюше, дошколятам шести и четырех лет) давался строгий наказ помогать старшим и во всем их слушаться.

Первым уходил из дому, спеша на работу, отец. Немного погодя бежали в школу Коля с Любой. Надя с Витюшей оставались одни. Надя рядом с младшим братом чувствовала себя в одном лице и хозяйкой дома, и мамой, и учительницей. Она уже знала много букв, читала по слогам некоторые слова, считала до десяти, осенью собиралась в школу, и теперь, когда они оставались одни, передавала свои знания младшему брату. Тот был непоседой, вертелся, плохо слушал. Надя строжилась, повышала голос, грозилась поставить в угол. Витюша пускался в рев. Надя отступалась, урок заканчивался, и каждый спешил к своим игрушкам.

Поначалу Михаил Ефимович страшно волновался, оставляя детей одних. За старших он не беспокоился – большенькие уже, самостоятельные. А вот младшие... За ними глаз да глаз нужен. И в печь могут залезть (на улице по утрам было еще по-зимнему морозно, поэтому с утра Михаил Ефремович протапливал ее, чтобы ребятишки днем не мерзли), и пальцы в розетку сунуть (все розетки в доме он на всякий случай заклеил изолентой) ... Да мало ли что может случиться!.. Михаил Ефимович и в «водных» своих строго-настрога наказывал младшей ребятне никуда любопытный нос свой не совать, чтобы не случилось, не дай бог, какой беды. И грозил пальцем: «Не буди лиха, пока оно тихо!» Непонятного страшного «Лиха» младшие боялись и старались обходить стороной и розетки с заклеенными серой изолентой дырками, и печную дверцу, где, как они поняли с отцовых слов, это самое «Лихо» и спало до поры, свернувшись на теплых угольках калачиком.

Еще одной серьезной проблемой для Михаила Ефимовича и его «детского батальона» стало приготовление пищи. Когда жена была дома, проблемы этой просто не могло существовать. Она замечательно готовила, поэтому на обед больших и малых едоков семьи Железных ожидали то наваристый борщ на мозговой косточке и букетом разных овощей и приправ с собственного огорода, то куриный суп-лапша, от одного вида которого текли слюнки. В ужин хозяйка дома баловала семью либо аппетитными котлетами, либо тушеной картошкой с мясом (зря, что ли, свинок откармливали!), либо блюдами из курицы, рецепты которых она находила в отрывном настенном календаре... А какие каши Валентина Кондратьевна умела готовить из любой крупы! Пшенная с тыквой в ее исполнении была вообще объединением! Про пирожки с капустой, ливером или луком и яйцом, блины и ватрушки и говорить не приходилось!

Без Валентины Кондратьевны семья всего этого лишилась. Михаил Ефимович мог худо-бедно пожарить яичницу и картошку. Ну и какое-никакое хлёбово сварганить на скорую руку. На что-то более основательное ни времени не хватало, ни кулинарного умения. Так сперва и питались: утром – глазунья, либо молоко с хлебом, в обед – хлебово в исполнении отца семейства, на ужин – картошка, вареная или жареная, с тем же молоком или чаем. Ребятишки носы повесили, посмурили. И то – от мамкиной вкуснятины остались одни воспоминания.

Хорошо, Евдокия Леонтьевна, мать Михаила, время от времени выручала. Приходила внуков доглядеть, да сготовить поесть что-нибудь. Не каждый, правда, день появлялась. Дома своих забот хватало. Дед (отец Михаила) болел, почти не вставал. Трое детей Павла, брата Михаила, так и жившего со стариками в родительском доме, тоже были на ней. Вот и разрывалась баба Дуня на два дома, бегая из одного конца деревни в другой. А ведь тоже не молоденькая. Но чем могла, помогала...

И все-таки большая часть домашних забот выпадала на самого Михаила. Скажем, при Валентине он и знать не знал, что такое стирка, глажка, штопка или ремонт одежды. Это была вотчина жены, и он туда, на «бабскую половину», не совался. В середине двадцатого столетия «мужское» и «женское» в российской деревне делилось по традиции еще достаточно четко и жестко. Но теперь при отсутствии в доме хозяйки, когда Михаил оставался для четверых своих детей и за папу, и за маму, ему волей-неволей приходилось совмещать в себе «мужское»

и «женское», заниматься даже теми совсем не мужицкими делами, о которых при Валентине он и думать бы не стал. Той же, скажем, стиркой.

В середине двадцатого века при отсутствии современной стиральной техники это был весьма непростой, трудоемкий и длительный процесс, способный занять чуть ли не весь день. Требовалось натаскать воды и сколько нужно нагреть на печи. Потом наполнить корыто. И дальше начинать сами постирушки, заключающиеся в остервенелом шорканье намыленной одежды. О рифленую стиральную доску казанки пальцев сбивались в кровь, то и дело приходилось менять грязную воду и выносить ее на улицу. После стирки – полоскание и отжимание в холодной воде. Тяжелее всего приходилось с постельным бельем, которое, как подсказала Михаилу мать, предварительно, следовало кипятить с содой и мелко накрошенным хозяйственным мылом, чтобы отбелить пододеяльники, простыни, наволочки и полотенца, а заодно и дезинфицировать их.

За время стирки Михаил уставал так, будто проработал у себя в мастерских несколько смен подряд. Тело ныло и ломило, и ноги становились ватными. И как только Валентина все это выдерживала? – запоздало удивлялся он.

Сам бы он, возможно, и не справился бы без ребятишек. Они и тут оказались хорошими помощниками. И воды свежей принести, а грязную вынести, и простыни вместе с ним отжать, и белье развешать. Молодцы! – не мог нарадоваться на них отец.

Баба Дуня тоже предлагала свою помощь, но Михаил решительно отказался, жалея старуху.

– Вон у меня какие помощники! – показывал на ребятишек.

– Да уж, – соглашалась баба Дуня. – Не то, что Пашкины. Тех не допросишься...

В отсутствие Валентины Михаилу пришлось не только науку домашней стирки проходить. Заштопать носки, чулки, детскую и свою одежку теперь ему тоже труда особого не составляло. Он даже шить на старенькой подольской швейной машинке научился. Но в этих чисто женских делах главной ему помощницей была Люба, которая и лицом, и фигурой, и характером, и хозяйственной домовитостью становилась все больше похожей на мать.

Схлынула внешними водами весна, заколосилось зерновыми лето. А там началась уборочная страда. Михаил днями, а то и ночи прихватывая, пропадал на полях. От усталости и недосыпу, случалось, утыкался в тракторе отяжелевшей головой в ветровое стекло. И если бы рычаги управления в его руках, державшие и самого вместе с трактором в нужном направлении, он мог бы, наверное, лбом стекло и разбить.

Но теперь Михаил уже не боялся за оставленных дома без родительского догляда ребятишек. А летом и вовсе: старшим не надо было ходить в школу, поэтому младшие одни не оставались. Да и вообще его «детский батальон» становился все более, по мнению самого Михаила, боеспособным подразделением, готовым самостоятельно решить практически любые домашние проблемы. На него можно было смело положиться. Ну, а в самые тяжелые моменты отец подбадривал: «Ничего, ребята, прорвемся! Наизнанку вывернемся, пластом ляжем, а мамку нашу любимую не подведем, не посрамим!»

И не посрамили. В последних числах сентября Валентину выписали из диспансера. День был сухой, теплый. Михаил в город отправился рано, а привез жену домой, ожидая, пока в диспансере оформят выписку, уже ближе к вечеру. Ребятишкам наказал в хате и на дворе порядок навести, чтобы глаз радовало. И про обед, наказал, подумать. Сам-то ничего приготовить не успел, но продукты, слава богу, были.

Валентину дети встретили возле калитки. После счастливых поцелуев и объятий пошли в дом. Окидывая взглядом знакомый двор, Валентина не узнавала его. Он был тщательно подметен, прибран. Зайдя в дом, и вовсе поразилась. Полы сияют чистотой, на мебели – ни пылинки. На хорошо промытых стеклах окон весело играют солнечные блики. Сдвинутые

к косякам занавески приятно щекочут ноздри милым сердцу каждой хозяйке ароматом свежести выстиранного белья. Той же свежестью веет от скатерти, которой застелен большой обеденный стол с закругленными краями в центре залы. Михаил смастерил его сам вскоре после переезда в новую квартиру. Стол был накрыт. Из подарочных сервизов, которыми награждали Михаила Ефимовича за ударный труд, сейчас перекочевала сюда часть посуды. А в середине стола красовался в глиняной кринке, приспособленной под вазу, букет из березовых, кленовых, рябиновых, смородиновых веточек с проглаженными утюгом листочками, отчего осенние их краски стали ярче и контрастнее.

– Ой, какие вы молодцы! – то и дело всплескивала руками Валентина Кондратьевна. Но еще больший сюрприз ждал ее, когда они сели за стол. Под Любиным руководством (она и маме чаще других помогала на кухне) детьми был приготовлен овощной салат на закуску, суп на курином бульоне с разнообразной огородной зеленью на первое, куриное жаркое с молодой картошкой в сметане на второе, запивать которое предлагалось шипящим в нос ядреным квасом. В завершение обеда Люба извлекла из духовки и торжественно поставила на стол железный лист с рыбным пирогом. Несколько дней назад Михаилу Ефимовичу как передовику производства посчастливилось отовариться несколькими свежеморожеными рыбинами кеты. Часть их и стала начинкой для прекрасного, исходящего вкусным рыбным духом пышного пирога.

Пирог этот Валентину Кондратьевну сразил окончательно. А Михаил Ефимович, сияя от радости и гордости за детей, словоохотливо (после нескольких стопок самогона) хвалил их всех, особенно Любу.

– Да вы ж мои хорошие! Все можете, все умеете!

– Нужда заставит... – за всех скромно ответил Михаил, а Валентина Кондратьевна всхлипнула от избытка чувств:

– Как же я всех вас люблю! Как мне вас не хватало!..

6

Хорошо все то, что хорошо кончается. Однако выписка Валентины из диспансера еще не означала счастливого завершения ее болезни.

Когда Михаил приехал забирать жену, лечащий врач пригласил его к себе в кабинет для беседы. Рассказал, какого образа жизни должна придерживаться выздоравливающая пациентка (отдельная постель, посуда, свое питание и прочие тонкости). Снабдил поддерживающими антибиотиками на первое время. В дальнейшем, поскольку в аптеках лекарства эти не отпускали, надо было еженедельно наведываться в диспансер за очередной их порцией. Призвал доктор не чураться в дополнение к медикаментозным препаратам и народных средств. Много чего из них назвал, начиная от банального чеснока и заканчивая весьма экзотичной смесью меда с сосновой хвоей. Но как самое действенное средство посоветовал барсучий жир с медом.

С медом проблем не было. Некоторые односельчане держали пасеки, можно было разжиться. С барсучьим жиром было сложнее. Это сейчас можно приобрести его в аптеках да через Интернет, и то за недешево, а тогда...

Поехав в следующий раз в диспансер за новыми таблетками, Михаил посетил заодно с десятком городских аптек и везде на вопрос о барсучьем жире получал отрицательный ответ.

– Так ты сам добудь, – посоветовал токарь их мастерских Гена Ковалев, узнав, в чем проблема.

– Как добудь? – не понял Михаил.

– Да всяко. Разные способы есть на барсуков охотиться.

– Охотиться?

– Ну, да.

– А где ж на них охотятся?

– Да вон на Барсучьей горе хотя бы. Там у них своя подземная деревня. Так что попытай счастья.

Железин охотой никогда не увлекался, но тут решил попробовать. Благо эта самая Барсучья гора – на самом деле невысокая возвышенность, поросшая редким кустарником – находилась всего в паре километрах от Зарубино.

Эту историю об охотнике на барсуков Михаиле Железине я слышал от разных людей. Одни рассказывали с одобрением и сочувствием, другие с удивлением, а кто и пальцем у виска крутил, сомневаясь, все ли дома у ее героя. И только сам дядя Миша о том эпизоде своей жизни не рассказывал ничего. А когда однажды я попытался что-то из него выудить, он просто отмахнулся: «Да слушай ты эти байки!..» Зато Валентина Кондратьевна «барсучий» факт их семейной жизни с теплой улыбкой подтвердила. А история была такая...

Но сначала немного о барсуках и охоте на них. У барсука темный мех и черно-белая, как полицейский жезл, вытянутая морда с коричневым рыльцем. У барсука прекрасное обоняние, хороший слух, но слабое зрение. Ведет он ночной образ жизни. Кормиться выходит вечером, возвращается утром. Обитает в норах, имеющих основной и несколько запасных входов-выходов.

Охота на барсуков начинается в конце августа и продолжается до середины октября. В это время, перед тем, как впасть в зимнюю спячку, барсук успевает набрать максимальный вес. Охотятся с норными собаками, ловят капканами, петлями и даже затапливают норы водой, чтобы выгнать барсуков наружу.

Специальной норной собаки (таксы, например) у Железина не было. А цепная дворняга Пират, охранявшая их двор и дом, для этой цели явно не годилась. Ружья Михаил, не увлекавшийся охотой, тоже не имел. Вытравить же барсука из его норы водой – это сколько ж ее на эту хоть и не высокую, но все же горочку, из ручья в километре отсюда надо натаскать?! Оставались капканы и петли. К капканам Михаил отнесся настороженно, потому что никогда ими не пользовался. А вот силки и петли – другое дело: в детстве с их помощью добывали сусликов да зайчишек. Однако барсук – не суслик и даже не заяц. Зверь достаточно крупный и сильный. Сравним с хорошей собакой. Но у Михаила хранилось в сарае несколько гибких стальных тросиков, снятых со списанной техники. Их и использовал на петли.

Петли ставил днем или ближе к вечеру, а проверял утром. Лучшим местом для этого был основной вход в барсучью нору. Определить его труда не составляло: он самый большой и вокруг много свежих следов. Запасные ходы засыпались землей.

Отцу обычно помогал старший сын Коля. Парнишка был сноровистый, смекалистый. В связке с ним дело спорилось.

Заглядывали на Барсучью гору и другие мужики. Кто просто поглазеть, а кто помочь – советом или и делом.

Но добыть барсука – полдела. Надо потом еще и жир вытопить. А это целый процесс. Сначала прямо на месте охоты барсука свежую. И свежевать надо очень аккуратно, чтобы жир оставался на тушке. Больше всего ценится жир подкожный. Хотя для приготовления топленого хорош также жир-сырец из-под барсучьего хвоста, паха и лопаток.

Прежде чем начинать его вытапливать, надо очистить от крови, остатков мышц, сухожилий, частичек шкуры. Потом промыть холодной водой, просушить и пропустить через мясорубку, да не один раз, чтобы прокрученный сырец превратился в однородную пасту. А жир из нее вытапливают разными способами.

Михаил выбрал наиболее, пожалуй, традиционный. Приготовленной пастой он наполнял два сохранившихся со времен его детства чугунок и отправлял их в духовку. Там паста доходила до нужной кондиции, становясь жидкой почти бесцветной текучей массой, которая, в итоге, разливалась по стеклянным банкам как готовый к употреблению целебный продукт.

Тонкости и премудрости этого процесса Михаил постиг не сразу. Не все поначалу получалось как надо. Как нельзя кстати оказались советы и рекомендации бывалых людей, стариков. В том числе и матери Евдокии Леонтьевны (бабы Дуни для внуков), знавшей немало секретов народной медицины.

Весь октябрь, до белых мух Михаил Железин добывал барсуков, готовил из их жира снадобье. Валентина брезгливо морщилась, наблюдая за всеми этапами его приготовления. Но не перечила. Здесь правой рукой отца была Люба. А когда заглядывала на огонек, главным консультантом и экспертом – баба Дуня.

Барсучьего жира Михаил заготовил несколько десятков разнокалиберных стеклянных банок.

– Куда столько? – негодовала Валентина.

– Ничо-ничо, – успокаивала невестку свекровка. – Барсучий жир он сильно полезительный, много от чего помогает. Им можно лишаи, язвы, гнойники, раны и укусы всякие заживать. При обморожениях и ожогах тоже хорош. А уж натереть хоть больших, хоть малых, барсучьим жирком со скипидарчиком, когда простуда с кашлем навалится, – и вовсе милое дело! Барсучий жир и твою хворь до конца изничтожит, Валюша, если будешь каждый день его внутрь принимать да растираться.

И тут неожиданно возникала новая проблема. Если растираться еще куда ни шло, то принимать барсучий жир во внутрь Валентина вначале категорически отказывалась.

– Не лезет он мне, проклятуший! – мотала она головой со слезами на глазах.

Михаил, сидя напротив с полной столовой ложкой застывшего жира в руке, уговаривал:

– Ну, давай, Валюша, для твоего же здоровья!

– Говорю, нутро не принимает, – отводила она руку мужа.

– Ну, кто ж так делает! – наблюдая за попытками сына, не выдерживала Евдокия Леонтьевна. – С наговором надо, целебным наговором.

– Как это? – не понимал Михаил.

– А вот так!

Баба Дуня отбирала у сына ложку с жиром, и, осенив себя крестным знамением, начинала громко шептать:

– Чахотка – почдохотка – зачихотка, от рабы божьей Валентины отстань, уходи, иди куда уйдешь, ни к кому не лепись. Сказано – сделано. Отыди отсюда. Аминь!

Переведя дух и снова перекрестясь, принималась бормотать наговор заново, а потом и еще раз. Сказав третий раз «Аминь!», Евдокия Леонтьевна устремляла ложку ко рту Валентины, но ее встречали плотно сжатые губы.

– Ну, чего опять? – обескуражено опускала ложку свекровь.

– Я ж неверующая.

– Тьфу ты, ну ты! – оскорблялась Евдокия Леонтьевна и, уходя, демонстративно хлопала дверью.

А Михаил продолжал свои попытки. Держа ложку с барсучьим жиром в одной руке, другой он нежно глади плечо жены, смешно приговаривая при этом словами детской прибаутки:

– Валечка, душечка, пончик, ватрушечка...

Валентина фыркала, смеялась, приоткрывая рот, а Михаил, пользуясь моментом, со снайперской точностью просовывал ложку между зубов. От неожиданности у Валентины спирало дыхание, глаза чуть не выкатывались из орбит.

– Глотай, глотай, пока не вырвало! – командовал между тем Михаил и совал в руки жене кружку с отваром шиповника: – На-ка вот, запей.

Когда самому Михаилу уломать Валентину не удавалось, призывался на помощь «детский батальон». Дети выстраивались перед ней по росту и на разные голоса начинали увещевать маму.

– А если лекалство не поглотит, тогда плидет селенький волчок, схватит за бочок, унесет тебя в лесок за лакитовый кусток и съест, – подводил черту Витюша, округляя глаза.

– Сдаюсь, – поднимала со смехом руки Валентина, зажмурившись, открывала рот и безропотно принимала порцию барсучьего жира.

Понемногу она втянулась и уже без уговоров принимала снадобье. Вечерами же по возвращении с работы Михаил еще и растирал ее, действуя не хуже заправского массажиста.

Мало-помалу Валентина обретала свой прежний вид здоровой цветущей женщины.

Вот так с помощью народного средства Михаил Железин свою жену окончательно исцелил и на ноги поставил.

Впрочем, подумалось мне, когда я узнал об этой истории, самое чудесное снадобье без волшебства любви, без ее идущего из глубины сердца целительного наговора будет бесполезно. А незримым волшебством этим вся совместная жизнь Михаила и Валентины Железиных и держалась.

И выдерживала любые испытания. Даже такие коварные, изнурительные и для многих непреодолимые, как наш быт. Сказано же поэтом – «любовная лодка разбилась о быт». Сказано, но не про них. Не про таких, как супруги Железины. Их семейная лодка в штормящем море быта только крепла...

7

– Сергей Владимирович, а вы что здесь спрятались, сидите в одиночестве? – услышал я за спиной голос Любы.

– Да вот, – кивнул я на раскрытый альбом, – смотрю. – И показал на одну из фотографий, где были запечатлены супруги Железины. Валентина Кондратьевна сидела, а Михаил Ефимович, стоя сзади, обнимал ее за плечи. И оба лучились счастливой улыбкой.

– Это они уже после моего рождения, – пояснила Люба.

– Какая красивая была пара! – сказал я, любуясь ими.

– А уж как любили друг друга! – вздохнула Люба. – И ведь не сюсюкались, красивых слов не говорили. Папа, по-моему, их вообще не знал. А, поди ж ты, и без всяких пышных слов любили всю жизнь так, что дай бог каждому.

А мне вдруг вспомнилось: «Говорите о любви любимым! Говорите чаще. Каждый день». И подумалось: но всегда ли слова способны выразить и передать обуреваемые чувства. Не зря же в Экклезиасте утверждается, что «слово изреченное есть ложь». И пришло мне на ум тютчевское: «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь?» Михаил Ефимович и Валентина Кондратьевна понимали друг друга без слов. Слова-посредники им похоже были вообще не нужны.

– А ругались, ссорились?

– Ну, в любой семье не без этого. Только ведь ссора ссоре рознь. У кого от нее – дым коромыслом, а у кого и ссорой назвать трудно. Мама гораздо эмоциональнее, импульсивнее папы была. Могла и вспылить, и накричать. А он – нет. Молча переждет, пока она выплеснется. А потом за плечи обнимет и зашепчет ей в ухо со смешочком: «Ну, Валечка, душечка, пончик, ватрушечка (он любил при случае маму так называть) прости меня негодного и в угол поставь – я больше не буду...» Если мы, ребяташки, были свидетелями их ссоры, то от папиных слов со смеху покатывались, представляя его, худого и долговязого, в углу лицом к стене. Мама грозила нам пальцем и в папиных объятиях успокаивалась. Но даже так ссорились они редко. Папа терпеливый человек был и очень теплый. Так же и любил. Он был как печка в доме, от которой во все стороны тепло расходится.

Люба помолчала, смахивая наверхнувшиеся слезы, снова заговорила:

– Случай один вспомнила... Как-то дали нашему папе от профсоюза путевку бесплатную в санаторий. Это еще когда он в Зарубинском совхозе работал. Упирался, ехать не хотел. Уговорили. Такие щедрые подарки от профсоюза простому механизатору редко выпадают. Собрали мы его всем семейством нашим да бабой Дуней в придачу, отправили в Железноводск, чтоб попил на курорте кавказской минералочки да подлечился. На три недели путевка. И что вы думаете? Уже на четвертый день домой вернулся! У нас глаза на лоб, когда его на пороге увидели. Как говорится, мы вас не ждали, а вы припёрлись... Сперва подумали – может, случилось чего там с ним? Санаторный режим нарушил, да выгнали, обворовали, или еще что? Стоит в дверях весь какой-то потерянный, несчастный. «Ты почему здесь? – мама его спрашивает, когда в себя пришла. – Ты ж в санатории должен быть, в Железноводске! Что стряслось-то, Миша?» А папа и отвечает: «Да ничего не стряслось. Просто не могу я там – один среди чужих людей: без дома родного, без ребяташек. Без тебя. Тоска лютая... Не вынес я, сбежал...» Такие вот у нас тогда на свой лад «Любовь и голуби» получились, – улыбнулась Люба и спохватилась: – Ладно, побегу. Последняя партия заходит. Скоро и сами сядем.

...Болезнь ушла, и жизнь Железиных потекла своим чередом дальше.

Но недолгим было ее спокойное, размеренное течение. Нашлись люди, и даже в академическом звании, которым такое бытие русского крестьянина было, как кость в горле. Непра-

вильно живет деревня, несовременно, не в духе времени и социально-экономических перемен, – непонятно отчего были уверены они. А стало быть, надо ее «до основания, а затем...». И началась черная для российского села полоса под названием «Ликвидация неперспективных деревень». Не менее черная, чем «коллективизация» тридцатых годов. Суть же преобразования заключалась в следующем. В России развелось слишком много маленьких, «неперспективных» деревень, которые, по мнению реформаторов, тормозили развитие сельского хозяйства, а значит, от них надо было избавиться, как от балласта. Что же до жителей, то их – просто переселить в более крупные, «перспективные» поселки, или же специально отстроенные «агрокорода», где начнется райская жизнь с коммунистическим лицом. Во всяком случае, так утверждал на общем собрании жителей села Зарубино, тоже попавшего в число «неперспективных», приехавший из областного центра уполномоченный по этим делам чиновник.

– Да к нам бы дорогу хорошую подвести, щебеночкой отсыпанную, и больше ничего не надо – опять бы в «перспективные» выбились. И село сохранили б, – возражали сельчане чиновнику, но тот и ухом не вёл, продолжая петь про райские кущи «агрокородов».

Как и большинство односельчан, Михаил Ефимович не сразу поверил, что родная деревня может исчезнуть, уйти в былое, оставшись только в воспоминаниях. Потомки Железиных появились в Зарубино в начале двадцатого века в числе первых переселенцев, и с тех пор поколение за поколением крестьянствовали на этих землях. Вот и надеялся, как и другие земляки, что шум уляжется, и все вернется на круги своя. Мало ли разных починов и начинаний было на их веку?

Но на сей раз разговорами и уговорами дело не ограничивалось. Поскольку добровольно переселяться люди никуда не спешили, их стали прямо-таки выдавливать из села. Сначала ликвидировали в Зарубино отделение совхоза, оставив многих без работы. Потом закрыли школу, клуб, магазин. А дальше отключили электричество и телефон. Село осталось без энергии и связи. Оставшиеся зарубинцы поняли, что все более чем серьезно. Хочешь – не хочешь, а надо переезжать. Но куда?

Поскольку активнее всего агитировали переселяться в строящийся «агрокородок», туда и отправились разведать что и как братья Железины – Михаил с Павлом.

Увиденное пришлось им не по душе. Поселок строился на унылой болотистой пустоши – такой же серый и унылый. Михаил с Павлом переглянулись, разом вспоминая, как начиналось по весне в Зарубино строительство новых изб, бань, хозяйственных построек, в том числе и общественных.

Поднимались венец за венцом светло-коричневые бревенчатые срубы, пахнущие свежим сосновым деревом и проступающей под горячим солнышком смолой. Стучали, молотки, весело перекликались от рассвета до заката голоса плотников. А когда родственники и соседи сходились на «помочь», то и вовсе начинался этакий праздник созидательного единства, результатом которого становилась почти готовая изба. И хотя еще предстояло настелить полы и потолки, довести до ума крышу, окосячить дверные и оконные проемы, вставить рамы, навесить двери и переделать еще кучу необходимых дел, прежде чем в нее вселиться, но уже и сейчас изба выглядела настоящим домом, в котором, возможно, доведется жить не одному поколению. Расходясь к полуночи, разгоряченные и хмельные от общинной работы и последующего душевного застолья участники «помочи» еще долго ощущали в себе трепетную радость от причастности к доброму делу.

В «агрокородке» тоже кипела стройка: ударными темпами возводились производственные корпуса, и жилье. Но не исходил от них извечный дух свежего, тесаного плотницкими топорами дерева. Да и дерева, как и плотников, не было. Только деловито снующая по грязной площадке строительная техника, собирающая из грязно-серых бетонных блоков и панелей, как из детских кубиков, строения – такие же уныло серые, как и местность вокруг. И властвовал тут дух солярового перегара, мешавшегося с болотной сыростью.

– Нет, Миша, не хотел бы я в такой мешке каменном жить, – поежился Павел, показывая на растущую блочную коробку.

– Да уж... – согласился тот.

В экскурсии по «агрогородку» встретили братья и некоторых односельчан, успевших, вняв агитаторам переселения, сюда переехать. Все они жалели о своей опрометчивости. Надеялись, что на новом месте, как и обещали им, будет лучше, жить станут, как в городе, а на самом деле все оказалось значительно хуже посулов: и работы не всем хватало, и в зарплате значительно теряли, а уж до райских условий и вовсе, как до Луны пешком. Не было пока ни школы, ни больницы какой. Всё – в райцентре. А до него более двух десятков верст.

На этом же болоте даже трава добрая не росла – одна осока да камыши. И какой идиот додумался сюда «перспективный» поселок влить? Поневоле вспомнишь со слезой родное Зарубино, где и уголья сразу за околицей, и мурава изумрудным ковром за каждой усадьбой, и чистейшая речка Тасинка с неглубокими омутками, годная для любых нужд: хоть рыбу ловить, хоть купаться, хоть белье полоскать...

Домой братья вернулись удрученные и в твердой уверенности, что этот «перспективный» поселок – не про них. Были варианты переехать в город или пригороды, но для Павла с Михаилом, при немалых там ценах на жилье, практически неподъемные. Оставался райцентр. Благо там и родной человек имелся – шурина Михаила Василий Плотников.

Василий помог купить дом. А поскольку своих сбережений Железиным не хватило, добавил еще и недостающую сумму. Он же помог Михаилу и на маслозавод, где сам давно работал, механиком по ремонту оборудования устроиться.

А далее Михаил и Павла в райцентр перетащил. Тому нового дома покупать не потребовалось. Родительский, разобрал на старом месте и собрал на новом, перевез. Правда, поставил его не рядом с братом, на окраине, а ближе к станции и районной больнице (для больных родителей, которые продолжали жить с ним).

В те годы райцентр многими их односельчанами пополнился. Само же Зарубино – и года не прошло – приказало долго жить, печально зарастая сорной травой и все больше запустевая. Какое-то время зарубинцы наезжали в «родительские дни» или на Троицу на местное кладбище привести в порядок могилки родственников, помянуть усопших, заодно и с живыми пообщаться, но чем дальше, тем реже они сюда навещались, привыкая к новой, оторванной от земли предков, жизни. До конца осознав, что Зарубино – отрезанный ломоть, привыкали к ней и Железины.

Оказалось, что не все так уж плохо. И в райцентре можно жить. И даже во многом гораздо лучше, чем в Зарубино. Взять хотя бы ребятишек. В Зарубино была семилетка, а дальше надо было выбирать: продолжать среднее образование в районной средней школе или идти в ПТУ, хоть свое, районное, хоть в областном центре, где было их десятки на любой вкус. Теперь же все дети Железиных учились вместе в одной средней школе. А там когда выучатся, видно будет, кто какую себе дальше дорогу выберет. Были на новом месте и другие преимущества почти городской жизни.

И все же тоска и боль по утраченной родовой колыбели, которой навсегда осталось для них Зарубино с замечательной вокруг природой, речкой, роскошными угольями, долгие годы прекрасно кормившими как личный, крестьянский, так и общественный, колхозно-совхозный скот, долго еще жила в братьях Железиных. Да и только ли в них одних!

Навещая могилы родичей, братья с кладбища обязательно шли туда, где стоял когда-то родительский дом. О нем, перевезенном Павлом в райцентр, на старом месте напоминала только яма подполья, груда битых, испачканных в саже, печных кирпичей, да выступавшие из земли столбцы бутового камня, на которые опирался сруб родительского дома. Братья молча оглядывали зарастающую крапивой, коноплей и чертополохом бывшую усадьбу, потом Павел

доставал из сумки недопитую на погосте бутылку водки, стаканы, разливал остатки и коротко бросал, протягивая руку в сторону печных кирпичей: «Помянем!»

Время летело незаметно. Дети Железиных выросли, выучились, определились в жизни. Николай, окончив медицинский, работал в областной больнице кардиологом, а после защиты кандидатской диссертаций возглавил кардиологическое отделение. Люба пошла по стопам матери: после пединститута учительствовала в районной школе, была завучем. А Надя, выучившись на библиотекаря, работала по специальности в районном ДК, где за несколько лет дослужилась до заведующей. Виктор окончил железнодорожный институт, получив профессию инженера-мостостроителя. Люба с Надей вышли замуж и жили в райцентре: Люба с родителями, Надя со своим семейством отдельно, в собственном доме. Обзавелись семьями и Николай с Виктором. Николай получил хорошую трехкомнатную квартиру в областном центре. Здесь же, в городе купил кооперативную квартиру и Виктор. У сыновей и дочерей Михаила Ефимовича и Валентины Кондратьевны рождались свои дети – новое поколение Железиных, продолжающее их род.

На праздники и семейные торжества семейный клан Железиных в полном (или почти полном) составе собирался в родительском доме.

Покупали Железины, проезжая из Зарубино, скромный домишко на краю районного поселка, но с просторной усадьбой и большим огородом, которые в первую очередь и прельстили супругов Железиных. С течением времени под умелыми руками Михаила Ефимовича дом преображался: раздавался вширь, тянулся вверх, становясь на этаж выше, прирастая и внизу, и вверху новыми помещениями. По сравнению со всем прежним жильем Железиных это был настоящий дворец. Вставал, правда, вопрос, как отапливать такую махину. Но Михаил Ефимович решил проблему. Приобрел на маслозаводе по символической цене списанный небольшой автономный водяной отопительный котел, отладив, установил его в подвале дома, а от него по всему дому потянулись трубы с чугунными батареями. Уютное тепло в доме даже в самые лютые морозы стало нормой.

Перестраивался не только сам дом, но и все, что было во дворе. Появилась новая баня, летняя кухня, разные другие надворные постройки. В огороде сияли оконным стеклом старых рам теплицы для огурцов и помидор. Никакой живности, кроме поросят и кур, Железины и по-прежнему не держали. Молочными продуктами маслозавод своих сотрудников отоваривал по ценам значительно ниже магазинных. А вот овощи и зелень со своего огорода – без этого никак. И в свежем, и в консервированном виде они у Железиных не переводились. И самим поесть и гостям на закуску подать было что.

Когда старшие и младшие Железины сходились вместе, дом гудел как растревоженный муравейник.

Реже других появлялся в нем Виктор. Страна в семидесятых-восьмидесятых строила много железных дорог. В том числе и знаменитую Байкало-Амурскую магистраль. А какая же дорога может обойтись без мостов! Поэтому мостовики были очень востребованы, и Виктор не вылезал из длительных командировок.

Его отсутствие успешно восполняла супруга. Она работала в проектно-институте, и охотно навещала стариков: как одна, так и с детьми, которые на каникулах, особенно летних, и вовсе пропадали здесь. А с ними и Надины ребяташки, и Николая... О Любиных, которые были как бы «принимающей» стороной, и говорить нечего.

В летние месяцы дом Железиных превращался в нечто среднее между пионерским лагерем и детсадовской дачей, где постоянные домочадцы становились на время «персоналом» этого доморощенного детского учреждения. Баба Валя в одном лице была и поваром, и нянькой, и прачкой; Люба – воспитателем и пионервожатым и главным помощником Валентины Кондратьевны во всех ее хлопотах.

А дед Миша заполнял собой все остальные вакансии. Ну и, разумеется, осуществлял общее руководство. Понастроив в ограде дома самодельные спортивные снаряды – турник, кольца, «шведскую стенку» и даже «яму» для прыжков, чистым песочком ее засыпав, он проводил здесь и на поляне перед бревнышком у ограды для вечерних посиделок свои «уроки физкультуры». Девтора настолько увлеченно выполняла придуманные дедом Мишей упражнения, что Люба, поприсутствовав на них, сказала отцу: «А не пойти ли тебе, папа, к нам в школу физруком?» Кроме того, дед Миша, если позволяла погода, водил детвору на озеро «принимать водные процедуры», или в лес по ягоды да грибочки. Помимо всего, выполнял дед Миша функции рабочего по двору и кухне: то есть топил печь на летней кухне, носил воду, поддерживал в чистоте и порядке двор, следил за огородом и прочее, прочее, чего всегда было в недостатке.

Но здесь дед Миша не был «один в поле воин». И некоторый опыт, обретенный во времена «детского батальона», уже имелся. Каждый из его внуков согласно своим силам и физическим возможностям вовлекался в хозяйственную деятельность. Дед Миша раздавал «спецзадания» и отправлял на «места дислокации» – кого-то (кто постарше) воду на огород в большие железные баки для вечернего полива носить, кого-то на кухню – бабе Вале картошку помогать чистить да посуду мыть, а кого двор подметать. Чтоб не было скучно, соревнования устраивал – кто из внуков быстрее и лучше свою работу сделает и больше благодарностей от старших получит. Не всегда, правда, оценка была объективной: баба Валя, например, всех хвалила и по головкам гладила. Впрочем, общего настроения это не портило. Зато на детский аппетит трудовой променанд действовал как нельзя лучше. А уж спали после дня, до предела наполненного физкультурой, купанием, прогулками, делами хозяйственными – пушкой не разбудишь!

– Нет, папа, определенно, надо тебе к нам в школу идти – хоть физруком, хоть трудовиком. И с дисциплиной проблем никаких не будет, – опять говорила отцу Люба, когда, уложив детвору, сидели они всем «персоналом» на бревнышке за оградой, любуясь догорающим закатом, а он только смущенно хмыкал.

8

Но как же подчас обманчив бывает безмятежный закат! Рассвет может принести совсем другую погоду.

И снова, спустя уже десятки лет после перенесенного ею туберкулеза над Валентиной Кондратьевной разразилась страшная гроза. Новая напасть оказалась еще беспощадней. При этом существовала между той и этой скрытая взаимосвязь: одна могла стать предшественником и благодатной почвой для развития другой. Причем коварство обеих заключалось в том, что поначалу они никак не давали о себе знать.

Вот и сейчас не было ничего подозрительного, дающего повод для более или менее серьезного беспокойства. Ну, одышечка появилась, слабость вроде бы беспричинная? Так ведь всю дорогу крутишься, как белка в колесе – хозяйство, ребятишки, особенно когда летом понаедут, – не присядешь! Кашель? Так он и при обычной простуде – кашель. Хоть в Сибири, хоть в Африке. Однако ежели на все внимание обращать и ко всему к себе прислушаться, некогда и жить будет...

Так примерно и рассуждала Валентина Кондратьевна. Как, наверное, и всякая простая русская женщина, испокон веков занятая в первую очередь работой, хозяйством, семьей, а уж потом самой собой.

Но кашель не проходил, а становился только жестче и злее. И слабость донимала все больше. А уж когда без видимых причин Валентина Кондратьевна в весе терять начала, Михаил Ефимович с Любой заподозрили неладное. Первой мыслью было, что возвращается изгнанный, как думалось, навсегда туберкулез. «Не знаю...», – засомневался приехавший в очередной раз навестить родню Николай, и увез мать на обследование.

Худшие его опасения подтвердились. Онкологи диагностировали рак легких в той основательно запущенной стадии, когда излечение уже очень и очень проблематично. Опухоль дала метастазы, которые разрастались по всему телу. Ни операция, ни химиотерапия положительных результатов не принесли.

Михаил Ефимович навещал жену чуть ли не ежедневно. Как мог, успокаивал, поддерживал и сам искренне надеялся, что, как и тогда, с туберкулезом, все, в конце концов, обойдется и кончится благополучно. Валентину выпишут, а уж дома они снова придумают что-нибудь, чтобы окончательно поставить ее на ноги. «Может, таблетки особые есть, или средства какие народные: травки там целительные или чудесные снадобия?» – приставал Михаил Ефимович к врачам. «Для этого вида рака, да еще столь запущенного, – отвечали ему, – лекарств пока не создали, а нужных травок в природе еще не нашли».

После нескольких месяцев пребывания в онкологическом отделении Валентину Кондратьевну действительно выписали. Обнадеживать родственников, правда, не стали. А на прямой вопрос Михаила Ефимовича, сколько она еще может прожить, ответили уклончиво-туманно: «Да уж как бог даст...». Зато Николаю как коллеге и товарищу сказали честно, что сделать для нее больше ничего невозможно, дни старушки сочтены, так пусть она их лучше проведет в родных стенах.

Николай с отцом привезли ее домой. Свой «последний срок» доживала она на обезболивающих уколах, которые попеременно ставили ей Люба (если не была на работе) с отцом. И стремительно угасала на глазах, превращаясь в обтянутую желто-коричневой пергаментной кожей мумию. На десятый день Валентины Кондратьевны не стало. История со счастливым концом многолетней давности не повторилась...

9

Похоронив Валентину Кондратьевну, Михаил Ефимович запил. Страшно, по-черному. Люба, продолжавшаяся жить с мужем и детьми под одной с отцом крышей, и уговаривала его, и совестила, и ругалась. Ничего не помогало. Совсем слетел с катушек старик. Однажды она и меня попросила:

– Может, вы как-нибудь на него повлияете, Сергей Владимирович?

Придумывая на ходу предлог, я пошел искать дядю Мишу.

Болтаться непотребным по поселку он, даже напившись в драбадан, себе не позволял. И в магазин за спиртным не ходил. Сам изготавливал отличного качества самогонку, не раз мною с ним же и опробованную. Трезвенником дядя Миша по жизни не был, любил иногда приложиться. Но принципа «делу время, а потехе час» придерживался строго. Мог вовремя остановиться, а на работе в рот и капли не брал. В подпитии же, не выпрягался, как некоторые, пальцы не гнул, грязная пена из него не лезла, рубаху на груди не рвал и кулаки о чужие физиономии не «чесал». Напротив, с каждой выпитой рюмкой он все больше расслаблялся и умиротворялся. До тех пор, пока окончательно не вырубался и не засыпал где-нибудь в укромном уголке. А уж агрессии или буйства какого за дядей Мишей ни у трезвого, ни у пьяного и вовсе никогда не наблюдалось.

Хотя нет, драку он однажды, все-таки, устроил. Да еще в общественном месте, на мероприятии, где уже по определению все должно было проходить чинно-благородно. Об этом неприятном инциденте рассказал мне сам дядя Миша в одной из наших посиделок летними вечерами на бревнышке у его ограды. Из-за невозможности пересказать случившееся дословно, поскольку через каждое печатное слово звучало непечатное (если бы снимало телевидение, то шло бы сплошное «запикивание») приведу услышанную историю в собственном изложении.

А произошло это в очередную годовщину Дня Победы в том же самом районном Доме культуры, где вручали Железину памятную книгу «Они вернулись с победой», только позже.

Накануне дядя Миша обнаружил в почтовом ящике открытку с приглашением на торжественное собрание посвященное Дню Победы. Весна в тот год выдалась благодатная – тепло и сухо. Земля прогрелась, но в то же время хранила еще достаточный запас влаги. Самое время для посевной. Дядя Миша давно был на пенсии, но от земли не отрывался. И в собственной усадьбе огородик надо возделывать, и на полях пришла пора картошку сажать. Как раз числа девятого-десятого мая на картошку с зятем и собирались. Так что не до казенных торжеств ему было. Но Валентина Кондратьевна запротестовала:

– Тебе персональное приглашение шлют, просят уважить, прийти, а ты кочевряжишься, – помахала она перед его носом открыткой и сказала, как припечатала: – Отодвинешь свою картошку на денек-другой, куда она не денется.

Спорить с женой дядя Миша не стал, облачился в парадный костюм с орденами и медалями на пиджаке, как раз для таких торжеств предназначенный, и отправился с супругой в Дом культуры.

Ветеранов собралось немного, да и те люди в основном тыловые, «обозные», как называл их дядя Миша. И не удивительно. Время идет неумолимо и работает против ветеранов. Многие из них от старых ран и хворей до срока из жизни уходят. Вот и Василия Плотникова, старшего брата Валентины и его, Михаила Железина, шурина уже нет на свете.

Сначала – торжественная часть в актовом зале. Как водится, выступления, приветствия, поздравления разных должностных и не должностных лиц, офицеров из расположенных в районе воинских частей, школьников... А с ними цветы и подарки ветеранам.

В то, что говорилось со сцены, Михаил Ефимович не особенно вникал. Да и во что вникать? Казенные речи и дежурные благодарности. Но один из выступающих его внимание зацепил.

На сцену тот поднялся из ветеранов последним, замкнув их реденький строй. А когда благодарственные слова предыдущими ораторами были сказаны и подарки с цветами розданы, он вышел из ветеранского строя к краю сцены и сыпанул горохом трескучих слов. О чем он говорил? О том, что война – это страшное кровавое дело, но мы все вынесли, преодолели и героическими усилиями армии на фронте при поддержке народа в тылу одолели врага и уничтожили фашистскую нечисть... А еще о «подвигах, о доблести, о славе» – о том, как с боевыми товарищами прошел он сквозь огонь военных пожаров, не щадя живота своего сражаясь за свободу Родины-матушки, а потом и Европы, от стен Кремля до Рейхстага, на стенах которого оставил свой автограф...

Говорил мужичок складно, бодро, даже, показалось, Михаилу Ефимовичу, с каким-то, как у пионеров на утренниках, восторгом. Чувствовалось, что выступать ему не впервой и доставляет удовольствие.

«Ишь, как наблотькался! – вспоминая собственное косноязычие, подумал Железин, глядя в спину бойкому ветерану, вещавшему на краю сцены. – Не иначе в политруках ошился».

Отбарабанив напоследок сакраментальное «никто не забыт – ничто не забыто» и сорвав аплодисменты зала, «политрук» развернулся на сто восемьдесят и заспешил к своему месту в хиллом ветеранском строю.

Пока он шел, Михаил Ефимович успел немного его разглядеть. И что-то в нем Железина насторожило. Ну, во-первых, само обличье. В годах уже мужичонка, однако для фронтовика, войну прошедшего, все равно явно молод. Лицо гладенькое, почти без морщин. «Это во сколько ж годов он на войне оказался? – сам у себя спросил Железин и предположил: – Может, сын полка? Тогда откуда такой иконостас?»

«Иконостас» действительно впечатлял. Своей многочисленностью. Видавший виды китель с погонами старшего лейтенанта, подпоясанный широким кожаным офицерским ремнем, был густо увешан разномастными наградами. Но вот что сразу бросилось в глаза бывшему офицеру Красной Армии фронтовику Михаилу Железину. Они были разбросаны по кителю, как попало: ордена мешались с медалями и разными воинскими и ведомственными значками, вообще неизвестно зачем здесь присутствующими. Так, ордена Красной Звезды и «Отечественной войны» располагались у этого мужика слева, хотя должны по правилам быть справа. А ведь существовала определенная последовательность расположения наград, строгий регламент их ношения, и вольности здесь были недопустимы.

Железин невольно скопил глаза себе на грудь. Все правильно: и оба ордена Красной Звезды, и орден «Отечественной войны» I степени находились на своих местах на правой стороне кителя, четко по ранжиру.

После торжественной части и концерта самодеятельности Валентина Кондратьевна, забрав у мужа цветы, грамоты и подарки, ушла домой, а ветеранов из актового зала препроводили в просторное помещение через фойе напротив. Там их ожидали накрытые столы с коньяком, водкой, вином и закусками. Ветеранов в той же последовательности, какой они принимали поздравления на сцене, усадили в центре банкетного великолепия. Остальные места вокруг в мгновение ока оказались занятыми людьми в основном из районной администрации. Лишь на самом краешке длинного составного стола притулились офицеры из воинской части, а с ними районный военком.

Оглядывая присутствующих, Михаил Ефимович неожиданно увидел справа от себя, можно сказать, бок о бок того самого ветерана, который держал на сцене ответное слово. Вблизи он показался еще моложе – и до семидесяти никак не дотягивает.

Глава районной администрации провозгласил первый заздравный тост. В ответ раздался со всех сторон рюмочный перезвон. А «ветеран» справа повернулся к Михаилу Ефимовичу всем туловищем и потянулся наполненной рюмкой:

– Давай, земля, за нашу победу!

Железин нехотя чокнулся, выпил.

– Ты закусывай, закусывай! Салатик вот добрый, колбаска ништяк, а главное – бутербродики с икоркой. Налетай, торопись, – весело скалился он нержавеющей вставных зубов и доверительно дощёптывал, на ухо: – пока чиновники сами все не смели. Они такие...

Михаил Ефимович молча жевал бутерброд с красной икрой, реденько разбросанной по тонкому слою бледного и безвкусного сливочного масла на ломтике белой булочки, а взгляд его тем временем невольно блуждал по «иконостасу» соседа. И вновь удивлялся Железин, сколько всего нацеплял на себя этот странный субъект. Обвешался, как новогодняя елка игрушками. Награды, правда, в основном юбилейные. Но есть и боевые. Тот же орден Красной Звезды. Узрел, однако, Михаил Ефимович и награды, никогда им не виданные. Вон блестит-красуется орден Сталина. Что за диковина? Внешне на орден Ленина похож. Только в обрамлении золотых колосьев не Ленин, а лицо Сталина.

Голос соседа справа отвлек Железина от созерцания его наград:

– За боевых товарищей! – снова потянулся тот к Михаилу Ефимовичу наполненной рюмкой. А когда выпили, протянул ему руку: – Федор.

– Михаил, – автоматически отозвался Железин, но на призыв к рукопожатию не отреагировал.

Не обратив на это внимания, а, может, просто делая вид, Федор панибратски потрепал Михаила по плечу.

– Что ж это ты награды свои повесил как попало, – спросил его Михаил. – У каждой свое место должно быть по правилам ношения орденов и медалей.

Федор смутился. Но только на миг. Потом доверительно признался:

– Да спешил, земля, некогда разбираться было.

– И где это ты столько навоевал? – поинтересовался Михаил Ефимович, кивая на грудь своего соседа.

– А! – небрежно махнул Василий. – На разных направлениях. Бросали с фронта на фронт. Сейчас и не упомнишь, где в каком месте кровушку проливал. Сёдни здесь – завтра там...

«Ежели б „проливал“ ее всамделе, запомнил бы, на весь остаток жизни запомнил», – как от зубной боли поморщился Железин, а вслух спросил:

– С какого ж ты, парень, года?

– С сорок че... – начал, было, Федор, но осекся, сменившись на мгновение в лице. Но тут же, как ни в чем не бывало, вновь засияв «нержавеющей» улыбкой, зачастил: – Да какая, земля, разница? Мои года – мое богатство!.. Каюсь, прибавил себе несколько годиков, чтоб повоевать.

«Повоевать»... Звучало, как «поиграть». Нашел, сволочь, игру!..

Железин угрюмо смотрел на Федора, и в нем начинала подниматься темная душная волна. А тот, спеша перевести стрелки на другое, спрашивал:

– Ты, земля, часом не в курсе: льгот нам, фронтовикам, никаких новых по случаю юбилея Победы не добавили?

– Нам, фронтовикам, – не добавили. А вам... – Михаил Ефимович подбирал нужные слова и не мог подобрать. Не мастак он все-таки был складно говорить! – Не знаю...

Между тем темная душная волна, знакомая Железину еще с фронтовой поры, поднималась все выше. Так бывало с ним в самые тяжелые моменты боя, когда всё оказывалось на грани быть или не быть и могло качнуться в любую сторону – пан или пропал.

Василий же, чуя растущую к нему неприязнь оппонента, вильнул в другую сторону.

– Нет, Миша, здесь ништяк! Хоть и район. И выпить хорошо можно, и пожрать. Даже вон, смотри какие клевые, лангеты нам принесли! В прошлом году был на ветеранском собрании в областном центре. Так что ты думаешь? Одним чаем с бутербродами угощали. Представляешь, чаем! В окопах и то лучше кормили...

– Почему ты знаешь, что лучше?

– Дак помню я!

– Чё ты можешь помнить? Тебя и близко с окопами не было! – возмущенно рявкнул Железин. – Ты тогда еще под стол пешком ходил. Если вообще из мамкиной утробы вылез. А теперь к фронтовикам лепишься, байки тут рассказываешь, как героически фашиста бил. Да ты его, сволочь, в глаза никогда не видел!

Федор вскочил, как ужаленный, отчего «иконостас» его зазвенел на разные голоса. Был он чуть ниже, но плотней и коренастее сухощавого Железина.

За столами притихли, устремив на них взоры.

– Ты чё, ты чё! – испуганно заверещал Федор и щелкнул себя по кадыку: – В башку ударило?

– Свою побереги, гнида ряженая!

Темная, душная, а теперь и едкая, как кислота, волна ненависти к этому наглому циничному самозванцу, подогретая выпитым, и вправду ударила в голову и застила Михаилу Ефимовичу белый свет. Он вдруг увидел в этом завсегдатае ветеранских чествований и фуршетов рыжего немца, с которым в одном из боев ему пришлось сцепиться в рукопашной. Тяжел и кровопролитен был тот бой. Уже много бойцов его взвода полегла. Но и в рукопашной никто не хотел уступать. Рыжий выскочил на Михаила неожиданно, откуда-то сбоку. Фашист был здоров и силен. Михаилу пришлось очень туго. И он, наверное, от рук этого фашистского верзилы тогда бы и погиб, не переполняя его в тот критический момент – пан, или пропал – лютые злость и ненависть.

– И такая, Серега, меня обида взяла! – сказал дядя Миша, заново переживая инцидент в ДК. – Не за себя, нет! Чё я? Мне повезло: я, слава богу, уцелел и вон уже сколь после войны живу. За ребят, с кем воевал, с кем «высотки» брал и Днепр форсировал, обидно. Молодыми пацанами гибли, пожить не успев. Знать бы им, что через десятки лет объявятся такие вот клоуны в побрякушках и начнут их боевые заслуги себе присваивать да врать на каждом углу о войне, на которой не бывали, о геройстве своем! Да разве за это парнишки наши жизни отдавали? За таких вот прохвостов и паскудников, которые ноне по мероприятиям шастают, норовя выпить-пожрать на халяву. А еще, видал ты, льготы ни за хер собачий норовят получать! И ведь не прячутся даже, в наглуую. И то – мертвые в свою защиту уже ничего не скажут. Что больше всего и обидно. И такая злость во мне закипела, такая ненависть! Все во мне помрачилось. «Щас крышку сорвет!» – только и успел подумать...

И действительно сорвало. Крупный жилистый кулак Железина после короткого, без замаха хука врезался в правую скулу Федора. Было это столь неожиданно, что тот не успел никак среагировать, а просто кулём повалился на пол рядом со столом. В зале ахнули, загомонили, мало понимая, что происходит. Федор тем временем зашевелился, приподнялся на четвереньки. Михаил Ефимович схватил его за шиворот, поставил на ноги, дабы не бить лежачего, и снова ударил, теперь уже под дых. А когда Федор рухнул повторно уже в полном беспомоществе, Железин, смачно выматерившись, с презрением плюнул на него.

И тут началась кутерьма. «Ветерана» отливала водой, а примчавшиеся охранники ДК взяли Михаила Ефимовича, завернув ему руки за спину, в полон. Он не сопротивлялся. Потом приехала скорая помощь для Федора и милицейский наряд для Железина.

В отделении хмель и злость успели выветриться, и Михаил Ефимович уже более-менее спокойно поведал о причинах своего поступка. Они были понятны, как божий день. Тем более

что работники милиции вполне были осведомлены о липовых «фронтовиках», гастролирующих по российским городам и весям. Причем гораздо лучше подлинного фронтовика Железина, впервые лицом к лицу столкнувшегося с одним из них.

Михаила Ефимовича в райцентре, где к этому времени он проживал уже не один год, хорошо знали и очень даже ему сочувствовали, а примчавшийся следом за ним в отделение военком и вовсе встал за него грудью, заявив, что на его месте сделал бы то же самое. И все-таки милиция пребывала в некотором замешательстве. А вдруг медики телесные повреждения признают? Хорошо если легкие, можно штрафом или условным отделаться. А если тяжкие? Тогда по 111 статье немалый срок светит. Осталось ждать медицинского заключения и заявления потерпевшего.

Часа через два из районной больницы позвонил обследовавший потерпевшего врач и сообщил, что косвенные признаки легких телесных повреждений имеются: обширная гематома на правой половине лица и легкое сотрясение мозга. Однако на вопрос, может ли потерпевший написать сейчас заявление в милицию, врач, помявшись, ответил, что наверняка мог бы, да только писать некому – исчез он, сбежал из больницы.

– Знает, собака, чье мясо съела! – злорадно и облегченно вздохнул военком, а милиционеры, поздравив Михаила Ефимовича с днем Победы, отпустили с миром, доставив домой на служебном «газике».

Пока мы вели с дядей Мишей разговор, к нам на бревнышко подсел один из его внуков, Любин сын-студент Миша. Чтобы не путать с дедом, в семейном кругу Железиных его звали Мишаней. Мишаня учился в техническом университете, жил в общежитии, а на каникулы приезжал сюда к родителям. Здесь наслаждался природой, ходил по грибы, на рыбалку. С нее он сейчас, как раз и возвращался.

– Плохо клюет, – пожаловался Мишаня.

– И где они только их берут? – никак не реагируя на внука, удивлялся дядя Миша.

– Ты о чем, деда?

– Это он о липовых фронтовиках, наградами обвешанных, – объяснил я.

– Да элементарно, Ватсон! – сказал Мишаня. – Нынче, деда, и награды любые, начиная от царствования Петра I, и до наших дней, и форму любого рода войск со всеми аксессуарами можно купить.

– Где, в магазине? – аж подскочил дядя Миша.

– Кое-что, из современного, и в магазине – в военторге. Но в основном – на «балочке», у коллекционеров.

Дядя Миша недоуменно воззрился на внука.

– Ну, на толкучке, – пояснил Мишаня. – Можешь как-нибудь прокатиться до города и посмотреть. Там по выходным в парке «Березовая роща» коллекционеры тусуются и раритетом разным обмениваются и торгуют. Всякие ордена, медали, воинские значки и знаки отличия можешь купить, форму, оружие. Даже пулемет Дегтярева времен Великой Отечественной я видел. Так что при желании и формой любой можно обзавестись, и наградами. И прикидывайся на здоровье кем угодно!

– А у них-то, у продавцов этих, откуда всё? – не унимался дядя Миша.

– Ну, разными путями добывают. Кто у родственников умерших фронтовиков покупает, потом перепродает, а у кого – ворованное. Оружие – в основном от «черных копателей». Много наград и вовсе самопальных.

– То есть?

– Самодельных. Сейчас до фига разных умельцев развелось. Какую хочешь награду закажи, заплати, сколько скажут – и тебе сделают под твой заказ очень даже похожую. Иной

раз не отличишь от настоящей. Особенно издали. А можешь и сам какой-нибудь орденок придумать, Тоже изладят.

– Ага... – вспомнил дядя Миша диковинную награду на груди самозванца. – Орден Сталина!

– Есть такой, – подтвердил Мишаня. – Но здесь немного другая песня. Это не государственная, а общественная награда. Ее придумала в КПРФ и учредила в конце девяностых так называемым «Постоянным Президиумом Съезда народных депутатов СССР». Один в один похожа на орден Ленина, только с профилем Сталина. В начале двухтысячных награды, похожие на государственные, изготавливать запретили. Хотя за ваши «бабки», не афишируя, орденок этот можно занять и сейчас. Так что, деда, все сегодня продается и покупается: и дипломы, и справки любые, и, как видишь, награды, даже самые высокие, если хватит бабла.

– Да уж, поистине – всё на продажу! – вздохнул я, вспомнив одноименный польский фильм Анджея Вайды глубоко советских времен. А дядя Миша только горестно покачал головой.

Больше ни тот ряженный самозванец, ни ему подобные мошенники на жизненном пути Железина не возникали. Однако и сам он любые мероприятия, куда приглашали ветеранов войны, с той поры полностью игнорировал. А день Победы отмечал дома в семейном кругу. С годами круг становился все уже. Родители умерли. Дети, взрослея, разъезжались, вили свои гнезда на стороне. В конце концов, в их просторном доме остались только он с Валентиной да Люба с мужем. С ними дядя Миша обычно и встречал «праздник со слезами на глазах».

Теперь вот и Валентина Кондратьевна ушла от него...

10

Потрясенный смертью жены, дядя Миша и дал слабину, пустившись во все тяжкие. Но пил, тем не менее, с оглядкой, опасаясь попадаться на глаза дочери – училка, все-таки, строгая. Прикладывался не в самом доме, а где-нибудь в бане или сарае. «На грудь» принимал обычно один. Иногда зазывал зятя. Но Люба была начеку, и всякие попытки мужа составить отцу компанию пресекала на корню.

Дядю Мишу я в сарайчике и нашел. Здесь было его любимое место. К стене напротив входа примыкал верстак с прикрученными к нему среднего размера тисками. А поверх верстака на полках и полочках, навесных шкафчиках можно было найти различный столярный и слесарный инструмент, гвозди, шурупы, болты, гайки, резиновые прокладки в консервных банках и пластмассовых коробочках, мотки проволоки, электрического шнура, и всякую другую всячину, необходимую в хозяйстве рукастого мужика. У верстака стояли две сколоченные хозяином табуретки. Здесь дядя Миша любил проводить свободное время, что-нибудь ремонтировать или мастеря для дома. Здесь же теперь и тоску самогонкой глушил.

Увидев меня, дядя Миша обрадовался. Закрывая за мной дверь сарая, он выглянул, на улицу, словно убеждаясь, что за мной нет «хвоста», и задвинул изнутри засов. Дядя Миша извлек откуда-то из темного угла под верстаком початую бутылку, достал из шкафчика огурцы, хлеб, огрызок колбасы, два граненых с ободком стакана.

– Скрываешься? – усмехнулся я, наблюдая за его приготовлениями.

– Приходится, – развел он руками. – Любка шагу ступить не дает, пасет.

– Переживает, – сказал я. – Шутка ли! Недавно мать похоронили, а теперь и ты, неровён час, кони двинешь, если и дальше так продолжать будешь, – показал я на бутылку. – Сбавил бы обороты!

– А на хрена, Серега, мне теперь жизнь? С одним крылом трепыхаюсь. Заснуть бы – и не проснуться!

– Ну, это, дядь Миша, не тебе решать. Бог дал – бог взял. А пока не взял – живи!

– Живи... – морщась, он отхлебнул из стакана. – Нет для меня, Серега, больше жизни без Валентины, нет.

– Слушай, дядь Миша! – пришла в голову, как мне показалось, хорошая, можно даже сказать, спасительная для него мысль. – А давай мы тебе новое крыло найдем?

– Как это? – не понял он.

– Бабенку какую-нибудь одинокую подыщем.

– Зачем? – опять не врубился дядя Миша.

– Чтоб вторым крылом тебе стала. Будете вместе век свой доживать. Ты мужик еще ничего себе! Еще и молодуху можешь себе отхватить.

– Эх, Серега, – с укоризной покачал дядя Миша головой. – Крыло у человека... Да и у птицы тоже... Это тебе не запчасть к машине. В тракторе ежели полетела какая деталь, нужной такой же заменил – и все дела. А крыло... Оно вырасти из самого тебя должно, расправиться, твоей частью стать. И чтоб в полном согласии с другим твоим крылом быть. Как это... – наморщил он лоб. – Единосущным и нераздельным, вот! – торжественно поднял дядя Миша указательный палец.

Я с удивлением воззрился на старика, не ожидая от него такого не свойственного обычной его речи оборота. Заметив это, дядя Миша смущенно пояснил:

– Валины слова.

– Такими вы и были всю совместную жизнь, – сказал я. – Но сейчас-то Валентины Кондратьевны уже нет, и ее не вернешь. Вот и надо, наверное, подумать о новом «крыле».

– Нет, не могу, – помотал головой дядя Миша. – Обещание давал.

- Какое обещание, когда?
- Давно. Как только поженились...

И узнал я еще об одном важном эпизоде истории любви и верности супругов Железиных...

В одну из самых первых ночей их медового месяца, когда остывали они разгоряченные после любовного экстаза в отведенной им комнатушке-кладовке родительского дома, Валентина сказала Михаилу со смешком:

- Вот теперь вижу, как ты меня любишь – каждой жилочкой чувствую!..
- Да я тебя и без этого, знаешь, как люблю? – приобиделся Михаил. – Всегда и везде!

Только сказать, объяснить не умею.

– А и не надо, Мишенька. Словами все не выскажешь, не выразишь. Слова, Мишенька, и фальшивыми могут быть – дымом в глаза. Недаром же в Библии говорится, что «слово изреченное есть ложь». Так что зачем их попусту тратить? Давай лучше пообещаем, что никогда ни на кого не променяем друг друга. Навсегда будем только ты и я, только мы с тобой – единосущные и нераздельные.

- Какие-какие? – переспросил Михаил.
- Слитные, значит, в единое целое, – пояснила Валентина.
- А, – понимающе улыбнулся Михаил, – вроде как «муж и жена – одна сатана».
- Нет! – решительно отвергла Валентина. – Негоже нам с тобой сатане уподобляться.
- Да я так... просто... поговорку вспомнил, – стушевался Михаил.
- Так как – обещаем?
- Ну, конечно же!

– Тогда скрепим наше обещание самой крепкой печатью, – сказала Валентина и потянулась к его губам...

- Вот, – посветлел дядя Миша лицом, – с тех пор и держу обещание.

– Это, конечно, замечательно, – осторожно, чтобы не обидеть старика, сказал я, – но тети Валентины Кондратьевны-то уже нет. Поэтому своим уходом из жизни она как бы освобождает тебя от данного обещания, так сказать, снимает обет верности. Ведь клятва не распространялась за пределы земной жизни. А в ее пределах ты свое обещание честно выполнил, и теперь свободен...

– Да какие там пределы! – отмахнулся дядя Миша. – Когда кого-то любишь, нет, я думаю, ни пределов, ни сроков давности. Не зря же Валя меня перед смертью просила...

Дядя Миша замолчал, отрешенно уставившись в одну точку. По щетинистым щекам его скатывались крупные горошины слез. Он не обращал на них внимания, а, может, просто не чувствовал.

- О чем просила? – вывел я его из оцепенения своим вопросом.

И услышал некоторые подробности последнего разговора супругов Железиных...

Вечером, за несколько часов до кончины Валентина Кондратьевна позвала мужа. Он поспешил к ней из кухни в ту самую спальню, где я сейчас сидел, разглядывая фотографии в альбомах. Присев на краешек кровати, взял в руки ее высохшую пергаментную ладонь с набухшими синими жилами.

- Будем прощаться, Миша, – прошелестела она посиневшими губами.

– Что значит – прощаться? Что ты такое говоришь? – испугался он. – Никаких прощаний. Мы еще с тобой повоюем! – попытался ободрить жену, но поймав на себе ее немигающий взгляд, осекся.

Из глубины родных и всегда таких любимых карих глаз проступало сейчас что-то нездешнее, словно бы из потустороннего мира. Холодный озноб пробрал Михаила Ефимовича.

– Нет, Миша, уже не повоюем, – все тем же шелестящим голосом возразила Валентина Кондратьевна. – Пришла моя пора. Прожила, сколько отмеряно. Пора и честь знать. Главное, что хорошо прожила. С тобой вместе. Душа в душу. Как мечтала в девках полюбить раз и навсегда, так и сбылось. Славно, Мишенька, мы с тобой прожили, как ни тяжело, ни трудно бывало. Детей всех сохранили и подняли, внуки-правнуки теперь вон подрастают и радуют. Что еще для счастья надо!

– Мы и дальше продолжим... душа в душу... Вот только подлечишься...

– Нет, Мишенька, совсем немного мне осталось. Я чувствую... – она прикрыла глаза, – собираясь, видно, с силами, и продолжила: – Но ты, Мишенька, не печалься, ты продолжай меня любить, как любил всегда, как и всегда я любила тебя. Я тебя и там, – Валентина Кондратьевна устремила взгляд вверх, – буду, как и здесь, по-прежнему любить. Только... – взгляд ее стал страдальческим. – Молю тебя – не приводи в дом другую женщину. Не хочу, чтобы кто-то вставал между нами, разрушал наше существо единое. Даже когда ты останешься здесь, а я буду там. Прошу: сохрани нашу любовь и после смерти моей...

– А ты говоришь – пределы!.. – Дядя Миша плеснул в стаканы и сказал вдруг: – Вон и журавли... тоже... До конца вместе!

Журавли в нашем разговоре возникли пусть и неожиданно, но не случайно. Давненько уже, когда Валентина Кондратьевна еще была жива и здорова, решили мы однажды с дядей Мишей отправиться в середине апреля за первыми весенними грибами сморчками. Жареные в сметане они чудо как хороши! Дядя Миша вообще был равнодушен к дикоросам. Собирал грибы, ягоды, черемшу, разные травы, березовый сок. А уж Валентина Кондратьевна умело использовала все это по назначению, делала грибное жаркое и соленья, варенья, лекарства и целебные напитки.

Идти было недалеко. Почти сразу же за нашим озером начинались мшистые осинники, где сморчки как раз и водились. Но памятуя, что ранняя пташка больше корма клюет, в путь пусть и недалний мы отправились чуть свет. Я с корзиной из ивовых прутьев, дядя Миша с заплечным коробом того же материала (обе емкости – дело его умелых рук) сошлись возле бревнышка у Железинской ограды. Рассвет еще только начинал пробиваться узкой полоской на горизонте, чуть подсвечивая осинники. Дядя Миша поправил заплечные ремни, я порылся в корзине, проверяя, не забыл ли я нож (главное орудие грибника) и фляжку с водой...

И тут полились с неба звуки, заставившие нас с дядей Мишей одновременно задрать головы. Серебристые и звонкие, они разносились по всей округе. А потом появились и сами источники этих звуков: вылетевшая откуда-то из глубины согры пара синевато-серых с большими крыльями длинноногих птиц.

– Журавли! – сказал дядя Миша. – Зарю приветствуют. Слушай, слушай, – придержал старик меня, вознамерившегося начать движение, – как они дуэтом-то!

Я прислушался.

«Кур!» – начинала одна птица. «Лы!» – подхватывала другая. И так без остановки и конца, отчего крики их сливались в сплошное, как журчание ручья, «курлы». Это было необычайно красиво, и на восходе солнца звучало как гимн наступающему дню.

Журавлиная пара между тем набрала высоту и, вытянувшись (головы, шеи, туловища, ноги) в одну линию, плавно заскользила к разгорающемуся рассветным пожаром горизонту.

– Хорошие птицы, верные, – провожая их теплым взглядом, сказал дядя Миша. – Всегда вдвоем, всегда парой.

– Да, – согласился я. – Они и пару себе выбирают один раз и до самой смерти.

– У нас тут неподалеку, в согре живет одна такая пара, – сказал дядя Миша. Гнездо у них там. Это, наверное, они и есть. Каждый год по весне прилетают.

– А почему ты думаешь, что именно они? – засомневался я.

– Да к бабке не ходи! Я их запомнил. Который год сюда прилетают, – сказал дядя Миша, пресекая дальнейшие возражения. – Они птицы верные, – повторил он. – И друг другу верные, и гнездовью своему... – И взор его затуманился.

– Ну, правильно, – безоговорочно на сей раз согласился я, – не случайно же, в большинстве стран, где журавли водятся, они символизируют счастливый, крепкий и гармоничный семейный союз.

– Ладно, Серега, пошли, – тронул меня за локоть дядя Миша. – Нас впереди хороший день ждет.

– Это почему?

– А потому, что примета есть: услышать утром журавлей – к хорошему дню.

И долго мы еще потом на нашей грибной охоте говорили об этих прекрасных и удивительных птицах, у которых есть чему поучиться человеку...

– А насчет того, что журавли до конца вместе, верно, да не совсем, – возразил я. – Вместе, пока оба живы. А если кто-то из них умирает, другой подыскивает себе новую пару.

– Да ну! – не поверил дядя Миша.

– Учеными-орнитологами доказано.

– А, все равно, – махнул он упрямо рукой, – никто мне больше не нужен!

Дядя Миша поднял стакан. Не чокаясь, молча выпили.

– Вот, значит, каков ее наказ... – вернулся я к последнему разговору супругов Железных, о котором узнал несколько минут назад от дяди Миши. – Чтоб не только до гробовой доски, но и после... Ну, тогда тем более надо с этим, – щелкнул я себя по кадыку, – завязывать. Валентина Кондратьевна там, – поднял глаза к небу, – загул твой явно не приветствует. И даже, полагаю, осуждает тебя, журавля с горя запившего, – съехидничал я. – Погоревал, мол, и хватит, пора в руки себя брать. Нечего дурной пример молодым показывать. Внуки твои, особенно старшие, в том опасном возрасте находятся, когда всякую дурь с легкостью вируса могут подхватить. А тебя, запойного, лицезрея, глядишь, и сами твоему примеру последуют.

– Ты думаешь? – встрепенулся дядя Миша.

– А то!

Он поднялся, молча убрал с верстака недопитую бутылку, стаканы, остатки закуски, распахнул дверь сарая. Я распрощался и пошел восвояси, сожалея, что, видимо, так и не сумел повлиять на него.

И только гораздо позже понял, что был не прав и не оценил по достоинству волевые качества дяди Миши. Без слов, обещаний, медицинской и прочей помощи он смог-таки обуздать себя. Самостоятельно вышел из запойного штопора и выпивал с тех пор очень редко: так, иногда лишь в домашних застольях по какому-либо вескому поводу мог позволить себе рюмку-другую.

Но, раздружившись с алкоголем, дядя Миша физического здоровья и душевного равновесия не восстановил. На последнем отрезке жизни своей он сильно сдал. Всегда прямой и от природы статный – хоть снова португеею надевай, после смерти жены усох, скукожился, согнулся. А в глазах застыла неистребимая тоска. Он по-прежнему хлопотал по хозяйству: его можно было увидеть за каким-нибудь делом и во дворе, и на огороде, и в любимом сарайчике-мастерской... Только делал дядя Миша теперь все как бы на автомате по давно укоренившейся привычке. На самочувствие не жаловался. Наверное, и впрямь серьезных проблем

со здоровьем не испытывал. Генетика у него была завидная: долгожителей в их роду хватало. Но чувствовалось, что уходит из него воля к жизни, истончается связывающая с нею нить. И только, наверное, врожденная привычка терпеть и держаться до последнего заставляла дядю Мишу существовать дальше.

Люба жаловалась при встречах, что у отца «крыша едет». Особенно когда журавлей заслышит. Тогда вдруг замрет посреди двора, устремив взор в небо, и долго будет стоять истуканом, шевеля губами, словно разговаривая с кем-то. «Папа, ты чего?» – пугалась Люба, если заставляла его в таком положении. «Так, ничего... – приходил он в себя. – С мамой нашей говорил. Ждет меня, торопит». Понимая, о ком речь, Люба пугалась еще больше и подумывала, что надо бы сводить старика к психиатру.

Но я-то знал, что с «крышей» у дяди Миши все оставалось в порядке. Другое дело, что после смерти жены он, наверное, все сильнее и болезненней ощущал себя покинутым журавлем, которого злая жестокая судьба насильно лишила верной пары. Возможно даже, что он и впрямь иногда известным ему одному способом переговаривался с нею, в небе парящей птицей. И рвался туда, в высь заоблачную.

Теперь вот настала и его пора...

11

– Сергей Владимирович, – возникла в дверях спальни Люба, – пойдете, и мы посидим, помянем.

Я двинулся за ней в залу. Там уже собрались ближайшие родственники Михаила Ефимовича и Валентины Кондратьевны: их сыновья и дочери со своими детьми, некоторые из которых успели уже обзавестись и собственными чадами. Не было на этой поминальной тризне давно умерших родителей дяди Миши и успевших уйти в мир иной его брата Павла и сестры Марии. Не было и любимого шурина Василия. Всех их пережил Михаил Ефимович! Но и оставшихся после его кончины – тех, кому завещал он продолжать род Железиных, больших и малых, собралось сейчас десятка полтора, не менее.

Я присоединился к сидевшим за поминальным столом, прошелся по ним взглядом. Практически в каждом просматривалось нечто неуловимо железинское. И в каждом можно было увидеть то черты Михаила Ефимовича, то Валентины Кондратьевны, то сразу обоих.

Я невольно любовался ими всеми и думал о том, что супруги Железины не только дали детям своим жизнь, поставили на ноги и задали им в ней верное направление. Они заложили еще и прочную духовную основу, крепкий нравственный стержень, без чего человек не может быть полноценным человеком – цельным и самодостаточным. И ничего для этого не придумывали. Просто жили по заветам и традициям своего народа, которые помогали преодолевать им труднейшие преграды и всегда, даже в моменты тяжелейших испытаний сохранять в себе истинно человеческое...

Погруженный в свои мысли, я прослушал, что говорил, поднявшись, старший сын Железиных Николай. Уловил только последнее слово «помянем». Не чокаясь, выпил со всеми. В разлившемся за столом печальном молчании, когда примолкли даже самые маленькие, слышался только легкий звон посуды. Длилось оно, впрочем, недолго. Тот же Николай, сидевший напротив, попросил меня:

– Сергей Владимирович, скажите что-нибудь! Вы же дружили с отцом. Он вас очень уважал.

Мне действительно хотелось сказать о нем что-нибудь. Более того – считал своим долгом это сделать. И даже кое-какие словесные заготовки приготовил. Тем не менее просьба Николая застала меня врасплох.

Что я мог сказать о дяде Мише, которого неплохо вроде бы знал и немало с ним общался? Как я, сам уже достаточно поживший, хотя и более молодого поколения человек, воспринимал и ощущал его?

Для меня, чья жизнь началась на исходе войны, а детство пришлось на первые послевоенные годы, еще не остывшие от огненного дыхания великой войны, люди, подобные Михаилу Ефимовичу Железину, всегда были живым, реальным, а не бронзово-мемориальным, воплощением русского воина-труженика – коренника как в делах ратных, так и трудах мирных. «Величайшее поколение величайшей силы духа», – назвал их герой романа одного из советских писателей¹. Что это действительно так, подтверждает жизнь каждого из них, в том числе и Михаила Ефимовича, который честно и самоотверженно воевал, а, вернувшись, так же честно, с полной самоотдачей, работал. Его ратный и мирный труд не оставался незамеченным. Но сам он не стремился быть на виду. Напротив, стесняясь внимания к себе, старался оставаться в тени. На фоне липовых ветеранов-фронтовиков, которых немало развелось в нашем XXI веке, это особенно бросалось в глаза.

---

¹ * Михаил Свешнев, главный герой романа А. Плетнева «Шахта».

С дядей Мишей я сошелся, когда сам был уже в довольно-таки зрелом возрасте. Приятельный своей душевной аурой, он как-то сразу стал мне близок. Но была и причина глубоко личного для меня свойства.

Дело в том, что отец мой тоже принимал участие в Великой Отечественной войне. Правда, в отличие от дяди Миши, совсем недолгое. В декабре 1943 года он, молодым парнишкой-связистом с катушкой телефонного кабеля на спине, где ползком, где короткими перебежками под огнем противника прокладывал связь для наступающих частей Западного фронта. В кровопролитных этих боях моему отцу суждено было продержаться невредимым всего немногим больше недели. Тяжелое осколочное ранение от разорвавшейся рядом мины в область шеи с повреждением спинного мозга навсегда вывело его из строя. Почти полгода по этой причине он был парализован и не мог ходить. После лечения в одном из эвакуационных госпиталей Кавказа в августе 1944 года инвалидом первой группы вернулся домой. А в октябре следующего родился я. Но об этом он уже не узнает. За несколько дней до того осколок мины в позвоночнике, который хирурги в госпитале побоялись трогать, сказал свое последнее слово – моего отца не стало, а я еще до рождения сделался сиротой и безотцовщиной, его не увидев и не узнав.

Дядя Миша воевал примерно в тех же местах между Оршей и Витебском, и я подумал, что, может, они пересекались и даже были знакомы. А подумав так, почувствовал, помимо духовной, еще и что-то вроде родственной связи. Поэтому и воспринимал его как родного отца, которого судьба отняла у меня до появления на свет. И втайне жалел, что не суждено было познакомиться и сойтись тогда же, поздней осенью сорок пятого, дяде Мише с моей матерью, совсем молодой еще вдовой, и усыновить меня. Было немного стыдно перед Валентиной Кондратьевной за такие мысли, но мне действительно несколько эгоистически было этого жаль. Впрочем, не столько за себя, сколько за свою мать, которая после смерти моего отца еще два раза выходила замуж, но так и не обрела счастья...

А вот любовный союз супругов Железиных – это как раз тот редкий случай, когда Амур угодил точнехонько в «десятку», поразив одной стрелой сердца Михаила и Валентины и ею же соединив их в единый любящий организм – «единосущный и нераздельный», какими и оставались они на протяжении всей дальнейшей совместной жизни. Обремененные большими и малыми заботами, в тяготах и радостях бытия, они не забывали главного – любить. Друг друга, детей своих, внуков, дорогих и близких людей, родную землю, все живое на ней и саму жизнь вокруг. И этой неизбывной любовью они не переставали доказывать, что нет ничего важнее и значительней ее, что именно она, начинаясь в любящих сердцах и устремляясь в космические выси и дали, «движет солнца и светила» и продолжает жизнь в бесконечности.

И, задерживая взгляд на младших Железиных, я с надеждой думал, что со временем и они, усвоив науку любви старших, понесут ее как эстафету «разумного, доброго вечного» дальше. Уже ради одного этого поколению Михаила Железина стоило, не жалея себя, воевать, отстаивая с оружием в руках родную землю, а победив, все так же на пределе человеческих сил и возможностей отлаживать мирную жизнь, в которой, верилось им, «завтра будет лучше, чем вчера». И пусть самим вкусить этой «лучшей» жизни не пришлось, однако почву для нее они добросовестно и терпеливо возделывали. Худо, что плодами их кропотливого труда со временем стали часто пользоваться совсем не те, кому они предназначались. Но не Михаила и Валентина Железиных в том вина. Впрочем, это уже, как говорится, совсем другая история...

«Вот как-то так», – решил, наконец, я, медленно поднимаясь со своего стула и лихорадочно соображая, как бы это все короче и удобоваримее высказать.

Поднявшись, я вдруг заметил на тумбочке в переднем углу залы большой портрет дяди Миши в темно-коричневой деревянной раме, перевитой по углам траурными лентами, и горячей свечкой перед ним. Дядя Миша, словно слушая мои мысли, смотрел с него на меня внимательно, но в глубине глаз таилось сомнение. Как в тот раз, когда читал в газете мой очерк.

Под этим взглядом рухнули все мои «заготовки». Неужели и сейчас я «заливаю солнцем» дядю Мишу, оставляя в тени что-то самое важное о нем?..

И тут до меня дошло, что дело, возможно, и не в том. Вернее не совсем в том. На портрете, срисованном с одной из фотографий семейного альбома, доморощенный художник запечатлел неистребимое сомнение дяди Миши, а достоин ли он, обыкновенный, ничем не примечательный, по его разумению, человек, каких не пересчитать в России, серьезного к себе внимания, когда полно персон куда более важных, заслуженных, значимых.

Но я-то был безоговорочно уверен, что достоин. И словно пытаясь убедить в том же самого дядю Мишу, обратился к его портретному образу:

– Дядя Миша... – сказал я. – Ты был настоящим человеком, отважным и работающим, надежным и верным в жизни и любви. Такими, как ты, всегда держалась и оберегалась земная жизнь. И, уверен, благодаря теперь уже вашими усилиями, продолжатели рода Железиных, – повернулся я к сидящим напротив сыновьям, дочерям и внукам дяди Миши, – будет держаться и оберегаться жизнь земная дальше. За настоящего человека!..

– И за любовь! – всхлинула Люба. – Тоже настоящую. Какая у них с мамой была и нас, детей и внуков, солнышком согревала

И за любовь!.. – эхом откликнулся я.

Домой с поминок мы с женой возвращались уже на закате. Прогретый за день воздух стремительно остывал, напоминая о том, что отнюдь не лето сейчас, а уже первый осенний месяц на исходе. Ночами низины заволакивает густой туман, а кое-где и иней первых заморозков серебрит пожухшую траву.

Мы уже почти дошли до дома, как из тальниковых зарослей согрой взмыли один за другим в темнеющее небо два серых птичьих силуэта. И через несколько мгновений с высоты над нами раздалось знакомое «курлы». «Кур!» – начинала одна из птиц. «Лы!» – подхватывала другая. В прохладе сгущающихся сумерек журавлиная песня разносилась далеко окрест. И опять, как и много лет назад, казалось, что там, в вышине, булькая и перескакивая с камешка на камешек, течет невидимый ручей.

Я заволновался, остановился, задрал голову. Журавлиная пара набрала высоту и, вытянувшись друг за другом в одну линию, плавно заскользила к тускнеющей полоске горизонта.

«Они, или нет? – молча спросил я себя, вспоминая тех, что увидели мы с дядей Мишей когда-то, отправляясь на утренней заре по грибы. И тут же засомневался: – Вряд ли? Столько уж времени прошло! Скорее, их потомки, не бросившие насиженное родительское гнездо. Впрочем, – подумалось, – какое это имеет значение? Важно, что по главной своей сути эти такие же, как и те – верные друг другу и гнезду своему в родной болотистой согре.

Жена, проследив за моим взглядом, тоже залюбовалась полетом журавлиной пары. А журавли то кружили высоко над согрой, то пикировали к ее осиново-тальниковым зарослям, то снова свечой взмывали в небо, а потом вдруг зависали в вышине, словно стараясь до мелочей оставить в памяти перед дальней дорогой каждый кустик, кочку, камышинку. И конечно гнездо свое на кривой болотной коряге в высокой осоке.

– Смотри, что выделывают! – восхищенно сказала жена.

– Совсем скоро в теплые края полетят. А пока вот прощаются. Есть у журавлей нечто вроде ритуала «прощание с родиной». Его сейчас мы как раз и наблюдаем.

Журавли перестали «висеть» в воздухе. Сначала сорвалась с места одна птица, затем, через несколько мгновений, вдогонку, другая, и опять потянули обе они в чернеющее небо...

А мне почудилось, что и не журавли это вовсе, а Валентина и Михаил Железины в их облики прощально кружит над домом своим. Несколько лет назад душа Валентины Кондратьевны первой вознеслась в горние выси и терпеливо ждала все это время своего любимого, никуда далеко не улетающая и даже время от времени переговариваясь с ним. И теперь вот – настал

черед – устремилась к ней и душа Михаила Ефимовича, чтобы, слившись снова в «единосущное и нераздельное» с возлюбленной супругой своей, продолжить совместный полет уже за пределами земного бытия, в вечность...

* * *

За череду лет, в туман воспоминаний отодвинулась смерть дяди Миши. А во мне продолжает звучать услышанная на вечерней заре после его похорон песня журавлиной пары. И бессонными ночами, которых все чаще становится в моей жизни, чуть ли не воочию вижу я ее ритуальный танец «Прощание с родиной».

А ведь и песня, и танец те оказались и впрямь прощальными и... пророческими. Знакомая нам с дядей Мишей журавлиная пара к давнему гнезду своему в согре с тех пор больше не возвращалась. Но и молодые пары его обходили, словно боясь чего-то. Создавалось ощущение, что журавлиная пара, в которую переселились души Михаила и Валентина Железиных, унесла из этих мест нечто самое важное и заветное. Уж не любовь ли?..

С уходом дяди Миши мы с женой быстро потеряли интерес к этим местам и продали дом, оправдывая себя тем, что сами давно не молодые и трудно его содержать.

Люба тоже недолго прожила после смерти отца в родительском доме. То и дело, признавалась, мерещились в каждом углу они с матерью. Думала, что с ума сойдет. Да и дети выросли, выучились, нашли свое место в городской жизни и в сельские «пенаты» возвращаться не собирались. Посоветовавшись, Люба с мужем решили переехать ближе к детям. Продали родительский дом и купили в областном центре неплохую новую двушку со всеми удобствами.

Жизнь рода Железиных продолжалась. Но это была уже другая жизнь. Без песни журавлиной верности...

ПОЗОВИ МЕНЯ С СОБОЙ

Не возвращайтесь к
былым возлюбленным.
Былых возлюбленных
на свете нет...
А. Вознесенский

Часть I

Наконец-то началась выдача багажа его рейса. Метелин подхватил пlyingший по транспортерной ленте чемодан с биркой авиакомпании и, лавируя в людской сутолоке, стал пробираться к выходу. Пассажиров скопилось много – сразу с двух рейсов, прибывших друг за другом. Метелина со всех сторон толкали, и сам он то и дело кого-то задевал, запинаясь о чьи-то вещи. У выхода и вовсе затор. Метелин решил переждать, пока толпа хоть немного рассосется, и остановился, опустив на бетонный пол чемодан. И тут же, как на неожиданно затормозивший в плотном уличном потоке автомобиль, в него врезались сзади с громким женским «Ой!» и выхлопом дорогих духов.

Бормоча извинения, Метелин обернулся и столкнулся с взглядом золотисто-карих глаз элегантной млаожаовой брyнетки в светло-коричневом брючном костюме. И уже не мог от него оторваться...

Когда-то далеко-далеко он уже видел, знал эти глаза. Только вот принадлежали они тогда вовсе не этой бальзаковского возраста, хотя и прекрасно сохранившейся статной даме. Что-то ворохнулось на дне памяти Метелина и стало медленно всплывать. Глаза женщины смотрели на него в упор, и тоже будто бы прояснялись от накатывавшего воспоминания.

Два-три мгновения это продолжалось, а потом глаза женщины вспыхнули так волновавшими когда-то Метелина золотыми искорками, и следом он услышал ее грудной, чуточку низковатый сочный голос, который он не спутал бы ни с чьим другим:

– Сережа... Метелин!..

У Метелина больше не оставалось сомнений.

– Таня... – отозвался он вдруг осипшим от волнения голосом. – Неужели ты?

– Я, конечно, я! Вот время идет – едва узнали друг друга!

Радостно и одновременно удивленно засмеявшись, женщина бросилась Метелину на шею.

– А я, признаться, и следы твои давно потерял, – сказал он и спросил, что-то вспомнив: – Да ты не из-за океана ли к нам нагрязнула?

– Совершенно верно, – подтвердила она, слегка отстраняясь, но не переставая греть его золотистыми лучиками глаз, – оттуда!

– Дела или турпоездка?

– Я здесь теперь туристка. А в Штатах живу, – снова засмеялась она и коснулась ладонью его груди.

Это была холеная ладонь ухоженной, следящей за собой дамы, с изящным золотым кольцом на одном пальце и красивым янтарным перстнем, хорошо гармонировавшим с цветом ее глаз, – на другом. Но Метелин увидел не ее, а узкую девчоночью ладошку и почувствовал, как и много лет назад, исходивший от нее жар.

Метелин хотел спросить, как она сумела обосноваться в Штатах, да еще и много чего, но не успел: к ним спешили мужчина с женщиной, в которой едва угадывалось отдаленное сходство с Таней. Да это ж ее сестра Надька с мужем, дошло до Метелина.

Наблюдая за родственными объятиями, Метелин переминался рядом с ноги на ногу и не знал, как быть: тихо, по-английски исчезнуть, или же уйти, вежливо попрощавшись. Но не хотелось ни того, ни другого.

– Надя, – спохватилась Таня, – а это Сергей Метелин, мой одноклассник. Помнишь, еще в школе к нам домой приходил...

Надя сдержанно кивнула, бросив тут же отскочивший от него мимолетный равнодушный взгляд. Ни внешностью, ни характером она на сестру почти не походила, а к нему, Метелину, и тогда в детстве относилась с непонятным ему пренебрежением.

– Пошли, девочки, пошли, – заторопился Надин муж, – машина ждет, надо ехать.

– Сергею местечко найдем? – спросила Таня.

– Нет-нет!.. Не беспокойтесь, я сам... Мне еще тут кое-что надо... – поспешил отказаться Метелин, видя, как неодобрительно скосила глаза на Таню сестра и напрягся ее муж.

– Тогда вот... – Таня достала визитку и протянул ему. – В ближайшие дни обязательно позвони – встретимся, поговорим!..

Уже несколько минут прошло, как троица скрылась за дверями аэровокзала, а Метелин продолжал стоять, тупо уставясь в картонный прямоугольник, на котором по-английски и по-русски было типографским способом начертано красивой каллиграфической вязью: «Архитектура малоэтажных зданий и малых форм. Ландшафтная архитектура и дизайн. Фирма „Капителъ“. Татьяна Алексеевна Иванова, генеральный директор...» Дальше шли номера телефонов, в том числе мобильного.

Страхнув оцепенение, Метелин бережно спрятал визитку в нагрудной карман рубашки и направился к автобусной остановке.

Автобус вырулил на шоссе, связывавшее аэропорт с городом. Народу в салоне в этот ранний утренний час было немного. Метелин откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и сразу же ощутил на груди удивительное тепло узкой смуглой девчоночьей ладошки...

...Всего несколько дней назад семья Метелиных переехала в новый, на городской окраине, район, поэтому Сергей совсем еще новичок в здешней школе. Он и познакомиться толком ни с кем не успел. И с расписанием не освоился: последние два урока сегодня, оказывается, физкультура, лыжи.

Ребята были в свитерах, в удобных для лыжного бега куртках, а он, угловатый и нескладный, в поношенном куцем пальтишке, рукава которого не доходили до ладоней, в облезлой цигейковой ушанке и серых растоптанных пимах стоял посреди раздевалки, лоя со всех сторон насмешливые взгляды и нелестные реплики в свой адрес, и не знал, куда себя деть. Хорошо, лыжи были школьные, а не то, наверное, его вообще бы выгнали с урока...

...Какой же это был класс? – стал вспоминать Метелин. – Седьмой, восьмой? Нет, все-таки, наверное, восьмой...

Учитель физкультуры подобрал ему лыжи с ботинками по размеру и, скептически оглядев новичка, посоветовал болтавшиеся на худых ногах брючины заправить в носки, чтобы не набивался снег.

Лыжня начиналась недалеко от школы, и уходила в подступающий к жилым кварталам бор. Класс растянулся по лыжне длинной цепью. В самом ее хвосте плелся Метелин. Он вообще не был спортивным парнем, а уж лыжником – и подавно.

Впереди маячила невысокая гибкая фигурка, обтянутая свитером и спортивными трикотажными брюками (они еще только входили в обиход и были тогда редкостью). Забавный пушистый помпончик вязаной шапочки на голове девочки подрагивал в такт ее размеренным движениям, а Метелину казалось, что он укоряет его, тюху, плетущегося позади всех. И если бы не этот помпончик, Сергей, наверно бы, давно рухнул на лыжню.

Ботинки попались не совсем по ноге, и натирали ноги. Но хуже было с руками. Варежки Метелин потерял еще до переезда на новое место жительства. Матери он ничего не сказал о пропаже. Да ей сейчас и не до этого было. Зима стояла не очень морозная, и Метелин вполне обходился карманами пальто, заменявшими ему варежки. Но пальто (на лыжне не замерзнешь – сказал физкультурник) пришлось оставить в раздевалке. На ходу, в общем-то, и действительно было не так уж холодно. Голова в ушанке даже вспотела. Но вот руки... Голые руки, сжимавшие бамбуковые палки, которые он поочередно вяло втыкал в снег, почти не чувствовались. Дувший навстречу хоть и не сильный, но колючий знобкий ветер еще больше усугублял положение. Сергей приостанавливался, дул на ладони или прятал в карманы брюк, пытаясь хоть чуточку отогреть, но тут же приходилось пускаться вдогонку уходящему в бор классу.

Девочка впереди несколько раз оглядывалась на него. Метелин видел, что она могла бы бежать гораздо быстрее, но не хочет оставлять его одного. Когда Сережа очередной раз поднес руки, на кистях которых болтались бамбуковые палки, ко рту, девочка остановилась.

– Замерз... – посочувствовала она и спросила: – А что без варежек?

– Да... – неопределенно протянул Метелин и увидел, что девочка тоже без варежек, хотя ее-то рук, мороз, казалось, совсем не коснулся.

– Я не мерзну, у меня руки, знаешь, какие горячие! – сказала она и приложила свободную ладошку к его груди.

Метелин сразу же почувствовал в этом месте сухое, как от горчичника, тепло.

– А у тебя красные, как у рака, – засмеялась она и взяла его ладони в свои: – Давай, погрею.

Никогда не испытывал Метелин такого ощущения. Удивительно приятного, но и волнующе нового. Опыта короткого общения с девочками у него не было...

Она достала из карманов брюк две пушистые варежки и протянула ему:

– На вот...

– А ты? – опешил Метелин.

– Я же говорю – не мерзну!

И сама натянула ему варежки на руки. Были они Метелину малы, но сохраняли горчичное тепло своей хозяйки. Шапочка с помпончиком снова замаячила впереди него на лыжне, но теперь, когда руки в маленьких тесных рукавичках перестали мерзнуть, тянуться за остальными стало гораздо легче.

Урок, наконец, закончился. Вымотанный Метелин и в раздевалку прилепился последним, когда там почти никого не оставалось. Хозяйки рукавичек тоже след простыл.

Дома Метелин положил варежки посушиться на батарею, да и забыл там. А когда на другой день в школе стал оправдываться перед их хозяйкой, она беспечно отмахнулась:

– А, вернешь когда-нибудь! Обойдусь...

У девочки той были очень простые русские имя и фамилия – Таня Иванова. Но чувствовалось, что течет в ней кровь не одной национальности. Смуглая, черноволосая, кареглазая, она казалась выходцем из какой-нибудь жаркой Испании. Ощущение усиливали как два птичьих крыла изогнутые, словно углем прорисованные, брови, с изящной горбинкой нос и какая-то особая, можно даже сказать горделивая стать во всей ее ладной точеной фигурке, с вполне уже женскими формами и грудью, ощутимо натягивавшей ученическое платье с черным фартучком. (Хотя корни у Тани были все-таки славянские – в Сербии жили ее далекие предки.) В этой быстро зреющей пятнадцатилетней девочке, как в набравшем цвет бутоне, уже сейчас угадывалась красавица, к ногам которой сложит голову не один мужчина.

Училась Таня только на «отлично». Но зубрилкой не была. Учеба давалась ей легко. В отличие от многих одноклассников. Помимо уроков, хватало Ивановой времени и на разные другие занятия. Она ходила в изостудию, фотографировала, училась в музыкальной школе по классу фортепиано, посещала кружок бальных танцев, писала стихи... Разносторонняя, в общем, была девочка. И таланты свои по мере возможности обязательно старалась реализовать. Оформляла школьную стенгазету, давала туда свои стихи и заметки, на школьных вечерах играла на пианино, кружилась в вальсе... И все у нее получалось так же хорошо и легко, как и в учебе.

Сереже Метелину, звезд с неба не хватавшему, которому гранит иных школьных наук приходилось «грызть» чуть ли не со слезами, а каких-то талантов пока и вовсе не наблюдалось, было до нее, конечно, как до Луны.

Но отличница и любимица учителей Таня Иванова не задавалась. Она и с ребятами общалась так же легко, непринужденно, как и училась, как делала все остальное. Вокруг нее всегда роился школьный народ. И все-таки Таня не сливалась с ним, не растворялась в его гуще. Была

она одновременно и вместе со всеми, и наособицу, как это часто и случается с личностями действительно незаурядными.

Иванова сидела за второй партой у окна. Метелин – за третьей в среднем ряду, и голова его то и дело непроизвольно поворачивалась в ее сторону. Отсюда, сбоку и чуть сзади, Сережа видел смуглый Танин профиль, обрамленный смолью волос, стянутых сзади розовым бантом в густой и слегка вьющийся хвост-метелку.

Времена в те годы, не в пример нынешним, были строгие. Подобные «хвосты», почему-то презрительно прозванные (скорее всего – учителями) «я у мамы дурочка», могли позволить себе лишь выпускницы. Восьмиклассницам же предписывалось носить косы. Иванова и здесь была девочкой особенной и как бы исключением из правил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.